

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Многие хотели найти
кольцо, по легенде,
принадлежавшее
поэтам-символистам
начала XX века...

Мария СПАССКАЯ

Мистическое кольцо СИМВОЛИСТОВ

Мария Спасская
Мистическое
КОЛЬЦО СИМВОЛИСТОВ
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49915400
Мистическое кольцо символистов: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-097718-5

Аннотация

В издательстве «Скорпион», где объединились знаменитые поэты начала XX века Андрей Белый и Валерий Брюсов, основоположники русского символизма и признанные мистики эпохи, царило оживление. К ним со своими стихами обратилась внебрачная дочь опального князя Ольга Волынская. Но мало кто знал, какую постыдную тайну она хранила... Следователь Цой с детства стеснялся своей громкой фамилии. Однако ему пришлось забыть об этом, когда он начал расследовать убийство известного биоэнергетика Ильи Панаева. Знаменитого гуру-мистика убили в собственной квартире, причем с его руки пропало кольцо, по легенде, принадлежащее поэтам-символистам начала XX века...

Содержание

Москва, август 1910 года	5
Москва, наши дни	29
Москва, август 1910 года	42
Москва, наши дни	56
Москва, август 1910 г.	67
Москва. Наши дни	81
Москва, август 1910 года	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мария Спасская

Мистическое

КОЛЬЦО СИМВОЛИСТОВ

© Спасская М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Москва, август 1910 года

Летнее солнце играло на мозаике недавно отстроенного здания гостиницы «Метрополь», барашки облаков паслись в лазурной сини неба.

Свернув за угол гостиницы, Долли вошла в подворотню, миновала двор, поднялась на второй этаж и остановилась у медной таблички с надписью «Издательство «Скорпион»». Прижала к груди дрожащую руку – если наблюдают, пусть думают, будто она волнуется. Постояла так с минуту, прислушиваясь к шуму за дверью. Из редакции доносился гул, напоминающий шум растревоженного улья. Вжившись в роль застенчивой скромницы, она тряхнула головой, потянув на себя тяжелую дверную створку. И шагнула в прихожую.

С неделю назад, когда шла сюда в первый раз, было любопытно.

Брюсов, Белый – какие они? Оказалось – отравленные ядом собственного величия, ибо среди поэтов-символистов слывут божествами. Они как Луна и Солнце. А вокруг солнцеподобных мэтров выются-увиваются звездочки помельче, но тоже о себе изрядно понимающие. Все спесивые, с амбициями и странностями, точно персонажи Страны чудес сочинителя Кэрролла.

Сказку эту Долли знала наизусть – давным-давно, в далеком ее детстве, заботливый доктор Войнич приходил к ней

в комнату, справлялся о самочувствии и, присев на край постели и подоткнув одеяло под бок, прочитывал несколько глав. Дни шли за днями, весну сменяло лето, а зима приходила на смену осени. Дочитав книгу до конца, доктор вновь открывал первую страницу «Алисы» и принимался читать с самого начала. Прошло много лет, и перед отъездом из Англии Долли, ностальгируя по тем счастливым денькам, даже перевела на русский язык эти две загадочные повести, и теперь все еще пребывала под впечатлением от созданного Кэрроллом волшебного мира.

Брюсов в ее воображении был, конечно же, гневливой Королевой Червей, рубящей головы направо и налево. Ходили слухи, что поэт – черный маг. И Королева Червей, вне всякого сомнения, злая ведьма. Властная и жестокая, издевается над нелепыми существами Страны чудес, питается их страхом. Совсем как Брюсов.

Андрей Белый внешне казался Белым Кроликом. Такой же суетливый, раскосый, словно все время испуганный. Мечется туда-сюда, как будто куда-то опаздывает, машет руками, говорит, говорит, захлебываясь словами – эмоциями. А по сути-то, конечно, больше походит на Белую Королеву, выступающую против гнета Червонной Королевы.

Противостояние Белого и Брюсова ощутимо витало в воздухе гостиничного номера, нагнетая тревогу. Конторщик Алмазов был единственный, кто держался от конфликта в стороне. Пока другие «Скорпионовцы» строили друг другу

козни, конторщик смирно сидел в прихожей и ждал распоряжений, а получив команду, кидался тут же ее выполнять. Вот и сейчас в неизменном синем пиджаке и гороховом галстуке он расположился рядом со столиком и складывал в стопку бланки подписных листов.

Вскинув глаза на открывающуюся дверь, расплылся в улыбке и, деликатно прикрываясь ладонью от исходящего от него чесночного духа, угодливо выдохнул:

– Доброго денечка, госпожа Волинская.

Долли знала о магическом действии, которое оказывает на людей, и относилась к замешательству собеседников с некоторым раздражением. Не только мужчины, но зачастую и женщины терялись, стоило им приблизиться и взглянуть на нее. Она подолгу стояла перед зеркалом, рассматривая прозрачное свое лицо с заостренным сердечком подбородком, большие, почти белые глаза в длинных щетинках ресниц, тонкий короткий нос и причудливо изогнутые, словно бы всегда капризные губы. Рассматривала и не могла понять, что необыкновенного находят в ней люди.

Конторщик на секунду замялся, умильно заглядывая под шляпку и ощупывая ласковым взглядом ее лицо, и с благоговением завел:

- Изволите видеть, Ольга Павловна, сиюж дожидаюсь, когда студента Жилина выпроводят. А там пойду в лабаз.
- Здравствуйте, Алмазов. Кто сейчас в редакции?
- Редакционный совет, правда, не в полном составе. Бал-

трушайтиса нет, Садовского, Соловьева. Да, и Белого нет. Куда-то на извозчике укатил.

– А Брюсов на месте?

– Валерий Яковлевич пока еще здесь. Но скоро откланяется – он всегда в это время уходит обедать домой, к Иоанне Матвеевне. Остальные собираются отмечать выход нового альманаха. Вот, отрядили меня к Елисееву за мадерой и фруктами. Что-нибудь желаете, кроме мадеры? Для вас персонально исполню любой каприз.

– Благодарю вас, Иван Всеволодович, – откликнулась Долли. – Мне ничего не нужно.

– Если мадера не нравится, лично вам могу принести шампанского, – не унимался конторщик.

– Спасибо, это излишне, – с досадой отмахнулась девушка, оставляя на стойке перчатки и зонтик и проскальзывая в комнату, откуда доносились голоса.

Главное помещение издательства являло собой уютно обставленную гостиную, единственная особенность которой заключалась в чрезмерном количестве столов. У длинного общего стола переминался с ноги на ногу постоянный посетитель издательства, поэт-неудачник Жилин, приходивший в «Скорпион», как на работу, в бесплодной попытке пристроить свои творения.

– Да поймите же вы, наконец, – поглаживая острую бородку и меряя шагами комнату, раздраженно говорил смуглый, чернявый, похожий на европеизированного татарина Брю-

сов. – Вы, Жилин, пишете не стихи, а рифмованную пошлость. Сделайте одолжение, носите их в другие издательства! Забудьте дорогу в «Скорпион»!

Мэтр остановился посередине комнаты и сердито закончил:

– В конце концов, это бессовестно с вашей стороны – воровать чужое время!

«Как есть Червоная Королева», – отметила про себя Долли, с интересом наблюдая за происходящим.

Сотрудники редакции смотрели на начинающего литератора без сожаления. При виде Долли Жилин покраснел, смутился, скомкал фуражку и, нервно дернув щечкой, опрометью выбежал из комнаты. Вслед ему слышались ехидные смешки.

– Ольга Павловна, голубушка, вас, случайно, не зашибли? – не отрываясь от пасьянса, с деланным участием осведомился маленький сухощавый человечек из отдела немецкой поэзии, фамилии которого Долли никак не могла запомнить и называла про себя Безумным Шляпником за пристрастие к высокому цилиндру.

– Госпожа Волынская пришла? – порывисто обернулся Брюсов. – Ольга Павловна, примите мои поздравления!

Шагнув к столу, Брюсов взял толстый альманах и двинулся навстречу Долли, протягивая книгу.

– Откройте на двадцать пятой странице! Откройте-откройте! Видите? Ваши стихи! Рад сообщить, что «Скорпи-

он» готов печатать вас и дальше!

Стоило прозвучать похвале мэтра, как в ту же секунду восстала оппозиция. Осведомленный обо всех делах редакции наилучшим образом, неизменно улыбающийся секретарь Лианопуло выкрикнул от окна:

– Валерий Яковлевич, это уже слишком! Что значит – «и дальше печатать»? «Стихи» – это сколько? Одно стихотворение? Два? Десяток? Имейте в виду, в следующий номер альманаха только одну вещь госпожи Волынской смогу принять!

– Да я, собственно, больше и не прошу, – улыбнулась Долли.

– Вот, видите, Ольга Павловна больше не просит, а вы уже запаниковали, – обернувшись к секретарю, широко улыбнулся Брюсов, и улыбка эта походила на волчий оскал. И с оскорбительной вежливостью добавил, пожирая неприятеля глазами: – Сергей Аристархович, не считите за труд, в следующем номере альманаха, будьте так добры, забронируйте место для стихотворения госпожи Волынской.

И с иронией добавил:

– А то скажете потом, что вас не предупреждали.

Брюсов с грацией барса прошелся по помещению редакции и, поравнявшись с дверями, проговорил:

– Все, господа, я ушел.

Прощаясь, мэтр картинно взмахнул рукой, сняв с вешалки, ловко надел на голову шляпу, подхватил портфель и, по-

игрывая тростью, покинул редакционную комнату. С минуту в помещении стояла тишина, нарушаемая лишь шлепаньем карт о поверхность стола и размеренным стуком пишущей машинки. Машинка смолкла, и от окна раздалось тягучее контрольто с французским прононсом:

– Скажите, дорогуша, зачем вам псевдоним? Ведь очевидно, что настоящая фамилия вызовет вокруг вашей персоны гораздо большую ажитацию, чем пресный и бесцветный «Александр Зорин», коим вы подписались в этот раз.

Долли обернулась и встретила глазами с рыхлой брюнеткой в мужском костюме. Ярко накрашенное щекастое лицо резко контрастировало с коротко подстриженными и уложенными на мужской манер гладкими черными волосами. Звали брюнетку Амалия Коган.

Амалия писала хлесткие, злые рецензии и в стремлении эпатировать окружающих не только одевалась в мужское платье, но и не выпускала пеньковой трубки из уголка пухлых ярко накрашенных губ. За курение и неожиданные высказывания Долли про себя называла ее Синей Гусеницей. Однако Амалия права – фамилия была бы лучше псевдонима.

Неделю назад, впервые переступив порог редакции, Долли явственно почувствовала неоднозначность своего положения. В устремленных на нее глазах литераторов читались интерес и некоторая брезгливость. Дело в том, что Ольга Павловна Волынская была незаконнорожденной дочерью ве-

ликого князя Николая Константиновича Романова, прозванного в народе Опальный Князь. В немилость к венценосному семейству Николай Константинович попал после скандала с кражей семейных реликвий, сделавшегося анекдотом.

Во время традиционных семейных ужинов в Зимнем дворце, проводившихся в покоях Марии Александровны, вдруг стали исчезать драгоценности. Первой пропала любимая печатка хозяйки – гемма из цельного дымчатого топаза. После следующего семейного ужина из покоев испарилась другая реликвия – фарфоровая чашка «опак» с китайским рисунком. Результатом очередной семейной трапезы стало исчезновение карандаша в золотом футляре с большим рубином на кончике. Тут уже терпеть стало никак невозможно, и царская семья принялась проводить расследование. Деликатное, но тщательное. Пропавшие следом за карандашом бриллианты из оклада Владимирской Божьей Матери нашлись в одном из Петербургских ломбардов. А сдал их туда адъютант великого князя Николая Константиновича.

Вариантов было два – либо адъютант по личному почину и к собственной выгоде воровал у венценосных особ. Либо в похищениях был замешан великий князь. Но Николай Константинович категорически отказался давать какие-либо объяснения. В интересы семьи не входило, чтобы об этой истории узнало общество, поэтому князя признали душевнобольным и направили под надзором медиков и жандармов в имение в Ореанде. Надзор был не слишком строг – стояв-

ший во главе охраны князь Ухтомский закрывал глаза на частых визитеров узника, и на замужнюю графиню Демидову не обращали внимание до тех пор, пока добродушный старик Ухтомский не застал молодых людей в будуаре за весьма недвусмысленным занятием. В Петербург ушел донос, великого князя тайно отправили во Владимирскую губернию, но графиня Демидова уже ждала от Опального князя ребенка. А родив, стала забрасывать императора требованием выделить ей средства на содержание младенца.

Через некоторое время Опального Князя вернули в Оренду. Получившая развод графиня тоже приехала в Крым. Как-то в отсутствие князя слуги заглянули в гардеробную и увидели прятавшуюся там молодую особу. Так и выяснилось, что разведенная графиня, никем не замеченная, провела в спальне члена императорской фамилии более десяти дней. Женщина сразу же заявила, что опять беременна от Николая Константиновича и намерена отбыть в Санкт-Петербург, где будет добиваться аудиенции у императора по поводу новых выплат.

На этот раз изгоя семейства Романовых сослали как можно дальше, в Оренбург, а авантюристка в спешном порядке была выдана замуж за графа Павла Сумарокова-Эльстона, взявшего на себя воспитание детей супруги. Сын Николай и дочь Ольга удостоились от Александра Третьего дворянского звания и фамилии Волинские, а также отчества Павловичи – в честь приемного отца. Не без участия родни по мате-

ринской линии Ольга получила вполне приличное образование в Британии, в эстетическом пансионе леди Эмили Грэхем, где за миловидность девочку прозвали Долли¹.

История предприимчивой графини и простодушного князя стала известна из-за болтливости слуг, раздающих интервью охочим до сенсаций журналистам. Время от времени, когда газеты испытывали информационный голод, в редакциях припоминали давнишний скандал и в очередной раз расписывали похождения графини Демидовой, так что шума вокруг имени брата и сестры Волынских с завидной регулярностью всплывала в прессе. На что и намекала Синяя Гусеница.

Долли поправила шляпку, безмятежно улыбнулась и довольно вежливо откликнулась:

– Благодарю за совет, мисс Коган, но я твердо решила и впредь подписываться мужскими именами.

– Следующие стихи, должно быть, подпишите Модест Рюмин? – насмешливо процедила сквозь сжимающие черенок трубки зубы рецензентка, и Долли похолодела. Откуда она знает?

Победоносно глядя на растерянное лицо собеседницы, Амалия с вызовом продолжала:

– Неужели вы, Ольга Павловна, не понимаете, что ваши стихи еще бездарнее, чем так называемая «поэзия» графомана Жилина? Но, заметьте, вирши студентика Валерий

¹ Doll – кукла (англ.).

Яковлевич с негодованием отвергает, а ваши стишата вдруг одобрил. Хотите знать отчего? А оттого, что вы – Ольга Во-
лынская! Знаменитость! А раз уж у вас нет других козырей,
так и будьте Волинской!

Долли смутилась еще сильнее и простодушно вымолвила.

– Скажите прямо, Амалия Карловна, вы что-то имеете
против меня?

– А вы как думаете? – зло прищурилась рецензентка.
И с интонациями базарной торговли выкрикнула: – Пришла,
стишата бездарные принесла и думает, все перед ней упали
на колени!

– Девочки, не ссорьтесь! – замахал руками секретарь,
опасливо поглядывая на Амалию и через силу удерживая
улыбку на покрытом бисеринками пота лице. – Худой мир
лучше доброй ссоры. Подумайте сами, что вам делить? Аль-
манах выходит, стихи печатают, рецензии публикуют, чего
еще желать?

– А вам не кажется, Рерик, что вы слишком много на себя
берете? – перекинулась на секретаря побледневшая от зло-
сти рецензентка. – Кто вы вообще такой? Откуда вы взя-
лись? Выскочка и интриган! Ничего в издательстве не дела-
ете, только сплетни разносите и против Брюсова интригуете!
Не смейте затыкать мне рот!

– Амалия Карловна! А пойдемте-ка обедать! – не дожидаясь
ответной отповеди вдруг переставшего улыбаться Лиано-
пуло, разрядил обстановку Безумный Шляпник. Он толь-

ко что закончил складывать пасьянс – и пасьянс таки сошелся. И теперь он любил все человечество и умиротворенно смотрел на окружающих. – Есть хочется, прямо сил нет. Задно и отметим.

– А как же Алмазов? – насторожился Лианопуло. – Придет с мадерой, а в конторе никого.

– Не страшно, – убирая карты в выдвижной ящик стола, передернул плечами специалист по немецкой поэзии. – Вино не пропадет. И фрукты тоже. Да и что это за еда – какие-то фрукты? Я бы сейчас быка съел.

– Я бы тоже не отказался от хорошей отбивной, – благодушно подхватил секретарь.

– А Ольга Павловна идет? Госпожа Волынская, вы составите нам компанию? – желчно осведомилась Амалия. – Или гусь свинье не товарищ?

– С огромным удовольствием приму приглашение, – невозмутимо откликнулась Долли.

Девушка развернулась и двинулась к дверям, и уже в прихожей, когда брала со стойки перчатки и зонт, ее догнали остальные.

Спустившись по лестнице, все устремились на улицу, к светящейся вывеске ресторана, и ливрейный швейцар предупредительно распахнул перед компанией двери. Сотрудники «Скорпиона» остановились в дверях и стали дожидаться приотставшего секретаря, запиравшего редакцию.

Выросшая в английском пансионе и не привычная к ре-

сторанам, Долли с уверенным видом села за стол, решив, что как-нибудь справится. И уже через минуту ощутила, какое это колоссальное неудобство – лакей за высокой спинкой кресла. Человек в отливающем синевой фраке зорко следил за тем, чтобы не упустить момента и выхватить у нее из рук блюдо с недоеденным бифштексом, в самую неподходящую минуту подsunуть салат, внезапно обдать терпким соусом незнакомое блюдо. Из незримости то и дело возникали руки в белых перчатках и своей неутомимой активностью парализовали деятельность ее пищеварения.

Мучительно страдая от навязчивого сервиса, Долли с произвольной завистью косилась на секретаря, с аппетитом и знанием дела уплетающего то, что подадут.

– Ну что, друзья, закажем парочку «Клико»? – после первой бутылки подмигнул коллегам секретарь.

– Отчего бы и нет? Севрюжки бы еще к шампанскому, а то устрицы как-то слишком быстро проскакивают, задевая тонкие струны души, но не насыщая желудка. Тем более что платит за все Поляков², – с воодушевлением подхватил Безумный Шляпник.

– Вот мы здесь с вами севрюжку вкушаем, а Брюсов сейчас в картишки по маленькой супруге проигрывает, – хихикнул секретарь. – И пьет чай с бубликами. Вы только представьте себе: наш демонический Брюсов – и бублики у самовара!

² Поляков Сергей Александрович – русский меценат и переводчик, основатель издательства «Скорпион».

– Можете сколько угодно глумиться! В отличие от вас, бездарностей, Валерий Яковлевич – общепризнанный гений, – презрительно обронила Амалия.

С насупленным видом игнорируя лакея и не притрагиваясь к еде, она потягивала шампанское, щурясь на коллежсквозь выпускаемый из носа табачный дым.

– Хотя откуда вам знать? В поэзии вы ни-чер-та не смыслите. Вы бездари! Кретины! Убогие комедианты!

– Ну-ну, Амалия Карловна, успокойтесь! – осадил рецензентку секретарь. – Вы вторгаетесь в чужую епархию. Вы же не истеричка, у вас другое амплуа. Истеричка у нас Петровская.

И, пожирая Долли глазами и улыбаясь, как Чеширский Кот, Лианопуло подался вперед.

– Вы что же, Ольга Павловна, не знаете историю создания «Огненного ангела»? Ну, про Брюсова, Петровскую и Белого? Да, вы же недавно вернулись в Россию! Так слушайте, я вам расскажу.

– Ну-у, началось, – раздраженно проговорила Амалия, выколачивая трубку о край хрустальной пепельницы, однако секретарь сделал вид, что не заметил очевидного сарказма.

– Давным-давно, году, эдак, кажется, в девятьсот четвертом, – неспешно заговорил Чеширский Кот, – Андрей Белый был очень молод, золотокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Газетчики умилялись над его творениями, поражавшими новизной и, как считалось среди рецензентов,

не лишенными проблесков гениальности. В стихах и в прозе прослеживалось его мистическое призвание. Пусть и не истинное, пусть символистское. Это не важно, важно, что в призвание верили и сам Белый, и его поклонники. О, как он умел восхищать! Как сам впадал в экстаз и приводил других в священный трепет! В присутствии Андрея Белого все словно озарялось его светом, и все без исключения – даже недобрый Брюсов – были в него немножко влюблены. Как же бедняжке Нине Петровской было не попасть под обаяние солнцеликого поэта?

– Вранье, – заплетающимся языком проговорила Амалия, ладонью рубанув густой табачный дым. – Белый первый увлекся Ниной. И вообще, скажите, Рерик, почему Петровская должна была отказываться от соблазнительного романа, имея такого скучного мужа, как Серж? Милая моя, – обернулась рецензентка к Долли, – вы же знаете Ниночкиного Сержа? Признайтесь, вы бы тоже стали ему изменять. Что вы на меня так смотрите? – фыркнула Амалия, заметив недоумение в глазах собеседницы. – Только не говорите, что не знаете Сержа Соколова-Кречетова! «Грифа» знает вся Москва!

– Душа моя, Амалия Карловна, конечно, Ольга Павловна не знакома с владельцем издательства «Гриф»! Не забывайте, она всего лишь месяц назад приехала в Москву, – снисходительно глядя на Амалию, вымолвил Шляпник.

– Ох уж мне эти провинциалки, – процедила рецензентка. Шляпник же развернулся к Долли и, подливая шампан-

ского, вкрадчиво проговорил:

– Чтобы вы, дорогуша, были в курсе того, что происходит у нас, символистов, кратенько поясню. Следующие путем символизма должны быть одержимы. Одержимы чем угодно, требуется лишь полнота одержимости. Любые переживания почитаются благом, лишь бы их было много, и переживания эти были бы сильны. Личность – это копилка, мешок, куда сыплются накопленные без разбора эмоции. А перед тем как умереть от духовного голода на мешке накопленных эмоций, мы, скупые рыцари символизма, непрестанно перестраиваем мысли, чувства, отношения, разыгрывая собственные жизни в театре жгучих импровизаций, играя всегда и везде, даже перед самими собой. И что уж тут поделаешь, если любовь – как настоящая, так и вымышленная – дает самый полный спектр острейших эмоций! Именно поэтому невлюбленный символист – это нонсенс. В любви есть вся гамма переживаний – надежда, отчаяние, ненависть, печаль, и все это в превосходной форме. Ах, Ольга Павловна! Если бы душа моя не являла собой выжженную пустыню, я бы непременно в вас влюбился!

– Закарихин, вы дурак, – презрительно обронила Амалия. – На кой черт вы ей сдались? У Ольги Павловны есть кое-кто лучше.

От этих слов у Долли по спине пробежал тревожный холодок, и снова в голове мелькнула мысль: «Откуда она знает»?

Шляпник надулся и с пафосом вымолвил:

– Вернемся, однако, к нашим баранам. Закончилось все тем, что супруга издателя Соколова, «Грифа», Нина Ивановна Петровская со всей отпущенной ей создателем животной страстью влюбилась в светозарного Андрея Белого.

– Не в бровь, а в глаз, – уплетающий севрюгу секретарь благожелательно улыбнулся Шляпнику, и тот, подбодренный, вдохновенно продолжал:

– И светоч символистов Андрей Белый, сперва поддавшись соблазну, завел было с Ниной Петровской интрижку. Однако вскоре опомнился и перепугался, что слишком земная Ниночкина любовь запятнает белоснежные ризы, в которые его обрядила толпа. И после нескольких интимных встреч поэт перестал откликаться на призывы Петровской. Он бежал от нее, чтобы еще ослепительнее сиять пред дружкой, которая – предвестница Жены, Облеченной В Солнце. Обиженная Нина Ивановна захотела вернуть Белого, и в поисках союзников огляделась по сторонам.

– Огляделась и заметила Брюсова, – пьяненько хихикнул Чеширский Кот. – Валерий Яковлевич, знаете ли, раньше Нину Ивановну в упор не замечал, а когда понадобилось воевать против Белого – вдруг почтил своим вниманием.

– По другому и быть не могло, – подхватил Безумный Шляпник. – Как ярому стороннику демонизма, Брюсову полагалось перед Женой, Облеченной В Солнце, предстать во всей своей дьявольской красе. И, став соперницей Жены, Нина Ивановна приобретала в глазах Брюсова несомненную

ценность. Ибо так же, как и он, облеклась демоническим ореолом. И Брюсов предложил Нине Ивановне союз, убедив, что его занятия оккультизмом, спиритизмом и черной магией помогут вернуть отступника. Как вы уже поняли, Ольга Павловна, вступившие в орден символистов, должны непрерывно гореть и двигаться, не важно куда – в ад или в рай. Главное – идти напролом и до самого конца. И Петровская приняла предложение Брюсова, переживая новые отношения как союз с самим дьяволом и нисколько не сомневаясь в том, что при помощи месс и заклинаний ей удастся Белого вернуть.

– Вы спросите, Валерию Яковлевичу-то это зачем? – снова встрял секретарь. – Я вам отвечу. Брюсов, всегда уважавший науку и из новых научных источников узнавший, что в великий век ведовства ведьмами почитались истерички, решил сделать из истерички ведьму.

– Рерик, вы лжете! – вспыхнула Синяя Гусеница. – Нина не ведьма!

Лианопуло замолчал и, не переставая тонко улыбаться, крутил в пальцах хрупкую ножку бокала, глядя перед собой, и, казалось, не замечая нападок Амалии. Затем негромко проговорил:

– Да, несомненно, ведьма Рината. Капризная и взбалмошная в сиюминутности своих желаний. Именно с Нины Ивановны Брюсов списал героиню «Огненного ангела». С Андрея Белого – Генриха. А под именем Руприхта вывел себя.

Если вы помните, в конце романа автор убил Ринату. Нина Ивановна пока еще жива, хотя не знаю, можно ли такое существование назвать жизнью.

– Не надо передергивать, – насупилась рецензентка. – Петровская живет, как все мы.

– Не скажите, Амалия Карловна. Не скажите. Не раз бывал на журфиксах у Нины Ивановны и даже удостоивался чести уединяться с любезной хозяйкой в будуаре. Бывало, сидит Ниночка в гостиной в окружении собравшихся в ее доме молодых людей, мечтающих пристроить в издательстве «Гриф» рукопись. Сидит, о чем-то грезит. И – вдруг обведет гостей томным взглядом, точно выбирает. Осмотрит всех, остановится на одном, тряхнет прелестной курчавой головкой, улыбнется избраннику, подойдет, возьмет его за руку и уведет в будуар. А минут через десять выйдет как ни в чем не бывало, поправляя прическу и одергивая платье – черное, траурное, украшенное деревянным крестом на длинных четках. Одним словом, мистическое. И все присутствующие старательно делают вид, будто ничего не произошло. Даже муж ее, издатель Соколов. Кто же она, как не взбалмошная истеричка, принятая Брюсовым из жалости в «Скорпион»?

– Не забываетесь, Лианопуло, вы говорите о моей подруге! – одернула секретаря Синяя Гусеница. – Не надо врать, что Нину Ивановну взяли из жалости. Все-таки Ниночка не последний человек в издательстве. Рецензии пишет.

– Да, пишет, – покладисто кивнул секретарь. – Однако

Брюсов доверяет Нине Ивановне рецензировать лишь самых плохоньких авторов. Авторы получше наш гений ямбов и хореев швыряет под ноги Викентьеву и вам, любезная Амалия Карловна. Уж поверьте, Петровская бездарна во всем, даже в сексе. Я заявляю это как человек, неоднократно припадавший с ней на ложе.

– Лианопуло, вы мерзавец! – воскликнула Амалия, размахивая в воздухе рукой в безуспешной попытке отвесить оппоненту пощечину. – Будь я мужчина, вызвала бы вас на дуэль.

– Э-э, голубушка, да вы, по своему обыкновению, наклюкались! – издевательски пропел Чеширский Кот, покидая свое место, огибая стол и протягивая к рецензентке руки. – Ну же, Амалия Карловна, поднимайтесь! И ножками, ножками! Домой, домой! Благо ваш дом здесь рядышком.

– Уберите от меня руки, вы! – едва не упав со стула, отшатнулась Амалия. – Я и без вас дойду.

– Вот и отлично, – согласился Лианопуло, отходя в сторону и предоставляя Амалию самой себе.

Поднявшись из-за стола, компания направилась к дверям. Вышли на улицу, но сразу расходиться не стали, устремившись вниз по Никольской, мимо собора спускаясь прямоком к Красной площади. Постукивая тростями по булыжной мостовой и оживленно беседуя о преувеличенной роли Балтрушайтиса в жизни издательства, первыми шли мужчины. Следом за ними, высматривая извозчика, двигалась Долли.

Амалия плелась позади всех, с трудом переставляя нетвердые ноги и каждую секунду рискуя упасть.

Еще издалека Долли заметила фигуру городского. Низенький и щедедушный, он утомленно топтался перед церковью, охраняя высокий ящик. На накинутаой поверх ящика алой тряпке в лучах закатного солнца сияло нечто стеклянное. Заметили городского и мужчины.

– Это что же за экспонат? – вытянул шею секретарь, сдвинув канотье на затылок и устремляясь вперед в непреодолимом желании как можно скорее разглядеть загадочный предмет.

– Бросьте, Рерик! Разве не знаете? Голова террориста, – откликнулся осведомленный Шляпник. И многозначительно прищурился: – Не помните? Пару дней назад здесь, на паперти, прогремел взрыв.

– Да-да, что-то такое припоминается, – закивал Лианопуло.

– Злодей покушался на генерал-губернатора, а подорвал себя.

Приблизившись к городовому, сотрудники издательства остановились, и стали внимательно рассматривать воздвигнутый у церкви объект.

– Врете вы все, Закарихин! Это вы злодей, а он – герой, – вдруг из-за спин коллег заплетающимся языком провозгласила Амалия Коган.

– Как вам будет угодно, – не стал упрячиться Шляпник. –

Пусть будет «герой». Так вот, «героя» так и не опознали. И, в надежде, что кто-нибудь из прохожих прояснит загадку подорвавшей себя «героической личности», тело террориста отвезли в полицейский морг на Божедомку, а голову заспиртовали и выставили на всеобщее обозрение.

Пока другие подгулявшие «скорпионовцы» с интересом обозревали плавающее в мутной жидкости синюшное лицо скуластого преступника, приседая в попытке заглянуть в его полуоткрытые мертвые глаза, Амалия неожиданно шагнула вперед, подхватила банку и поднесла к самым глазам.

– Но-но, не балуй, – сдавленно выдохнул городской, делая движение забрать охраняемый объект.

– На ночь его здесь оставите, инквизиторы, – скорбным голосом сообщила Амалия.

– Не извольте беспокоиться, не оставим, – заверил городской. И для чего-то пояснил: – В дом к протоиерею занесем.

– Боже мой, какой же он прекрасный. – Амалия вдруг заплакала. – Я люблю его еще больше!

– Вы что же, сударыня, знакомы с преступником? – оживился служивый. – Можете назвать фамилию, имя? К какому сословию принадлежит?

– Ну что вы, господин офицер, Амалия Карловна никого не знает, – оттесняя рецензентку плечом, торопливо заговорил секретарь. И, подмигнув городскому, интимно понизил голос: – Вы же видите, офицер, дамочка не в себе. Прошу заметить, госпожа Коган не какая-нибудь там легкомыслен-

ная девица, она почтенная сотрудница издательства «Скорпион». Просто перестаралась с шампанским.

«Господин офицер» немного успокоился и шагнул к Амалии, собираясь забрать банку. И в этот момент Амалия, оттолкнув постового, вдруг припала губами к стеклу в том месте, где в формалиновой жиже виднелся приоткрытый рот покойника.

Изумленный городской двумя руками схватился за склянку, с силой дернув на себя. Завладев объектом, он развернулся и засеменил к дому протоиерея.

Амалия внезапно топнула ногой, и, глядя в спину удаляющемуся стражу порядка, с надрывом закричала:

– Я все равно спасу его от поругания! Этой же ночью спасу! Он лучше вас! Выше! Чище! Прекраснее! Вы и мизинца его не стоите!

– Ну-ну, Амалия Карловна! Возьмите себя в руки! – пытался урезонить Синюю Гусеницу секретарь, пока Шляпник индифферентно стоял в стороне, на всякий случай делая вид, что он не с ними.

– Не смейте меня трогать! – истерично блажила рецензентка. – Вы мизинца его не стоите! Слышите, Лианопуло? Уберите руки! Я сама дойду.

Она покачнулась и снова едва не упала.

– Елисей Макарович, Ольга Павловна, помогите же! – суетился секретарь. – Амалия Карловна сама не своя.

Шляпник обхватил всхлипывающую Гусеницу за плечи

справа, Долли зашла слева, и сотрудники «Скорпиона» повели рецензентку к виднеющемуся сразу за церковью дому, направляясь к парадному, на которое сумбурными взмахами коротких полных рук указывал секретарь.

– Сюда, прошу! Заводите в подъезд!

Проводив Амалию до подъезда, Долли дальше не пошла, решив, что мужчины и сами справятся, а ей пора домой. Она шла и думала о задании, которое, похоже, выполнила на отлично. Не огрызалась, не выказывала норов, хотя в некоторых ситуациях и могла бы. Она молодец. Лев останется ею доволен.

Как и договаривались, Долли сумела войти в жизнь редакции так, чтобы не вызвать подозрений и сделаться своей. И даже, как Лев и просил, напечатать в альманахе стихи Александра Зорина.

Москва, наши дни

В отличие от других следователей городской прокуратуры Виктор субботние дежурства любил. Особенно летом, вот как сейчас, в самом конце августа. Оно и понятно – у большинства сотрудников имелись семьи, и, как следствие, в выходные их выгоняли на прогулку в парк. Или зазывали в торгово-развлекательный комплекс на шопинг и просмотр блокбастеров. У Виктора же не было ни семьи, ни детей. Одна только робкая надежда, что жена Оксана когда-нибудь раскается в содеянном и попросится обратно. Хотя куда ей проситься? В двенадцатиметровую комнатуху в коммуналке на Басманной?

На Басманную следователя завлек приятель Борис Карлинский. Карлуша, как Виктор его называл. Практикующий психолог-психиатр из института Сербского, активно сотрудничающий с силовыми ведомствами при подборе кадров, доктор Карлинский не только составлял психологические портреты кандидатов, но даже мог спрогнозировать их дальнейшее изменение после нескольких лет работы в структуре МВД. А также подвизался в прокуратуре в качестве консультанта.

Узнав приятеля поближе, Виктор пришел к выводу, что перед ним ярчайший пример сибарита и гедониста с неисчерпаемым запасом бьющей через край жизненной энергии.

В ранней юности Виктора одолевала невероятная стеснительность, с которой он усиленно боролся, однако не всегда успешно, и потому страшно завидовал напористым и энергичным людям, не испытывающим проблем в общении. Таким вот гедонистам и сибаритам, как Боря Карлинский.

Основной же своей проблемой считал ужасно неудачное сочетание фамилии и имени – угораздило же его родиться Виктором Цоем! Хорошо, хоть не Робертовичем. Семейное предание гласит, что, посетив в феврале восемьдесят третьего года совместный электрический концерт групп «Кино» и «Аквариум», московский кореец в десятом поколении Максим Цой так вдохновился раскрашенными в темный грим и разодетыми в костюмы со стразами музыкантами, а особенно своим однофамильцем, распеваящим под гитару «Алюминиевые огурцы», что прямо там, на концерте, торжественно поклялся – если будет когда-нибудь сын, назовет его Виктор.

Сын родился ровно через год, и благодаря отцу, сохранившему верность данному слову, стал заложником собственного громкого имени. Если в саду, куда ходил маленький Витя, лишь некоторые подкованные в отечественном роке отцы зажимали его в раздевалке между шкафчиками и допытывались, правда ли, что имя его Виктор, а фамилия – Цой, то в школе, поступление в которую пришлось как раз на год гибели всенародного кумира, первокласснику Цою не давали прохода. Где-то классу к шестому особо остроумные старше-

классники освоили шутку – рассредоточившись в туалетах на разных этажах, подстерегали его и требовали, чтобы Витя спел им «Группу крови». Или «Кукушку». Или «Звезду по имени Солнце». Мальчик мучился, плакал, но из принципа не пел. Но старшеклассники не отставали. И добились того, что Витя вообще перестал посещать школьные сортиры, предпочитая терпеть до дома, лишь бы не слышать насмешек и издевательств. Нужно ли говорить о том, что песни Цоя парнишка терпеть не мог, как и музыку во всех ее проявлениях?

Отец, устроивший из жизни сына бесконечный перформанс, вскоре перебрался на жительство в Европу, предоставив сыну разбираться с проблемами самому. Маму в свои дела мальчик не посвящал, видя, что у нее другая жизнь с другим мужчиной и он им совсем неинтересен. Поэтому семиклассник Цой самостоятельно вынес отцовскую гитару на помойку, а диски раздал друзьям.

К окончанию школы Виктор делил людей на две группы – на тех, кто по поводу и без пытались иронизировать над его особенностью. И на остальных, которые после первого удивления необычности имени больше не замечали.

Задумываясь, кем бы он хотел стать, мальчик все больше склонялся к профессии следователя. Прежде всего потому, что всей душой радел за справедливость. Да и, честно говоря, мечтал утереть нос своим обидчикам – уж следователю Цою никто не посмеет прокричать в лицо про «Огурцы» и

«Кукушку»! Была и еще одна причина. Летом, на каникулах, он был отправлен на дачу к деду, и на чердаке старого дома обнаружил клад. Клад хранился в старой спортивной сумке с советским гербом и состоял из подборки журналов «Наука и жизнь» за семидесятый год и одного-единственного англоязычного комикса под названием «Синий жук», датированного тысяча девятьсот шестьдесят седьмым годом. Пытливый мальчик запасся словарем, и уже к вечеру знал его содержание.

Комикс рассказывал о жизни и подвигах Чарльза Виктора Сзасза, называющего себя Вик Сейдж. Когда Вик Сейдж, работающий тележурналистом, сталкивался с историями, которые он не мог расследовать обычными, законными путями, то надевал специальную маску – маска находилась в пряжке его ремня и полностью скрывала лицо. Так хорошо скрывала, что со стороны казалось, будто у Вика вообще нет лица. Сейдж придумал себе прозвище Вопрос, потому что на месте, где он побывал, журналист оставлял пустую визитную карточку, и при прикосновении карточка, как дым, таяла знаком вопроса.

Под впечатлением от комикса Виктор стал называть себя Виком и жизнь свою решил связать с разгадкой криминальных тайн. Вик присовокупил к этому решению давнишнее стремление к справедливости и желание избавиться от назойливых подколов и получил на выходе профессию следователя.

Поступив на юридический факультет университета, он подумывал купить шляпу-федору, к ней классический костюм, и, стараясь максимально походить на Сейджа-Вопроса, зимой и летом не снимать двубортный плащ в пол, однако не хватило решительности. Продолжая держаться особняком, Вик, серый и незаметный, часто после занятий в одиночестве бродил по Москве, однако Арбат обходил стороной, ибо исписанная признаниями в любви и горестными высказываниями по поводу ранней кончины Цоя стена казалась ему собственным надгробьем.

Перемахнув тридцатипятилетний рубеж, Вик стал замечать за собой определенную самоуверенность – должно быть, профессия наложила отпечаток. В определенный момент самоуверенность его достигла такой степени, что, застав жену с любовником, следователь Цой указал Оксане на дверь. Правда, сделал это довольно конфузливо, стыдясь чужого позора и переживая за неловкую ситуацию, в которую заставил попасть других.

Как благородный дон, Вик не мог навсегда выгнать на улицу любимую женщину, пусть даже и поступившую с ним не лучшим образом. У Оксаны своего жилья не имелось, поэтому решили разменять трехкомнатную квартиру обманутого мужа на «Шукинской».

Узнав о намерениях приятеля, Карлинский не успокоился до тех пор, пока следователь не вселился к нему на Басманную. Честно говоря, Вик еще ни разу о своем решении не

пожалел. С соседями жили хорошо, хотя и шумно, поскольку вторая обитательница коммуналки тоже была невероятно энергична, но совершенно в другом роде.

Несмотря на преклонный возраст, Вера Донатовна Ветрова до сих пор возглавляла Дом культуры «Гудок», благо находился он тут же, прямо во дворе их одноэтажного флигеля. И пронзительный голос Веры Донатовны с утра до вечера разносился на обнесенной забором территории хрипловатым дискантом. Сухая старуха с седыми, как лунь, и жесткими, как леска, короткими волосами поистине была вездесуща. Только что ее видели стремительно взбирающейся по широкой лестнице Дома культуры на второй этаж и оббегающей многочисленные помещения с целью проверки, все ли занятия ведутся согласно графику и не слишком ли много позволяют себе преподаватели. И вот уже ее цветастый сарафан мелькает в саду – Вера Донатовна гоняет дворника, не с должной тщательностью подметающего дорожки.

Характер у старухи оказался просто замечательный. Она называла соседей «мои мальчики», благоговела перед Карлинским, обращалась к нему не иначе, как по имени-отчеству, на «вы» и почтительно понизив голос. Вика же опекала, считая неприспособленным к жизни простачком. По собственной инициативе соседка убиралась в его комнате, и, что самое главное, поливала его цветы, которые Вик любил, но все время о них забывал. Помимо этого Вера Донатовна считала необходимым взять на себя заботу о питании «мальчи-

ков», поэтому психиатр и следователь каждый день получали от соседки завтраки и ужины. Обедали по отдельности. Гурман Карлинский питался в ресторане, Вик посещал столовую прокуратуры.

Помимо приготовления еды старушка следила за их одеждой и убирала просторную квартиру. О квартире стоит сказать особо. По сути, это был одноэтажный семикомнатный дом с ванной и туалетом, который некогда служил квартирой для экономки владельца усадьбы. Состоятельный Карлинский оснастил кухню современной бытовой техникой, что значительно облегчало коммунальный труд Веры Донатовны. Расходы несли вскладчину, оставляя изрядные суммы в серванте и предоставив старушке тратить деньги так, как она сочтет нужным.

Вспомнив соседку, Вик сглотнул голодную слюну и полез в портфель. Вера Донатовна наверняка положила бутерброды со своей неизменной баночной ветчиной. Ветчина была бельгийская, со сбитым сроком годности на проржавевшем металле, и, судя по банке, можно было предположить, что изготовили ее еще перед Второй мировой войной. Из каких стратегических запасов старуха эти банки выуживала и приносила на кухню, оставалось загадкой, однако Вера Донатовна другой ветчине не доверяла, и Виктор смирился, посчитав, что даже такие бутерброды все-таки лучше, чем вообще ничего. В груди вдруг больно защемило – Оксана никогда не собирала с собой поесть.

Порывшись в захламленном отделении портфеля и вынув плотный сверток из фольги, Вик отложил еду в противоположную от документов сторону и нажал на клавишу электрического чайника. Чайник фыркнул и отключился.

Как и следовало ожидать, воды в нем не оказалось, и следователю Цою пришлось выбраться из-за стола, покинуть на-суженный кабинет и с чайником в руке отправиться в путь по сумеречному коридору. В туалете, пользуясь случаем, он хорошенечко вымыл чайник от накипи, тщательно сполоснул руки, без особого удовольствия рассматривая в мутное зеркало свое невыразительное лицо в очках с толстыми линзами и размышляя, а не отпустить ли для солидности бородку.

Какой он кореец? Скорее невзрачный такой славянин. Может, борода добавит ему шарма? А может, и наоборот – окончательно низведет в категорию очкариков-ботанов, к которой Виктора частенько причисляли те, кто видел в первый раз. Жалко, что нельзя и в самом деле иметь в ремне маску, стирающую лицо.

Так и не придя ни к какому решению по поводу бороды, Вик наполнил чайник водицей и двинулся назад. Он прошел уже большую часть пути, когда залился трелью смартфон в кармане форменных брюк. Питая надежду на случайный вызов, следователь остановился, балансируя полным чайником, вытащил аппарат и, взглянув на экран, чертыхнулся. Вызов был отнюдь не случайным. Звонил капитан Леднев из уголовного розыска.

– Следователь Цой слушает, – казенным голосом отчеканил Виктор.

– Что же ты, Витюша, трубочку городскую не снимаешь? Не в кабинете, что ли? Гуляешь по пустынным коридорам родной прокуратуры?

Леднев был из тех, из наглых, которым Вик завидовал. Молодой нахрапистый капитан, похожий на бычка-трехлетку, быстро сходилась с людьми и мог в считанные секунды обаять любую барышню, чему Виктор неоднократно был свидетелем, ибо последние годы чаще всего работал именно с Дмитрием Анатольевичем. Иногда после работы они отправлялись попить пивка, и вот тогда Леднев и проявлял свой недюжинный талант.

– Дим, привет. Чего хотел?

– Тебя хотел. Давай, комрад, спускайся, прокатимся в центр. Машина под парами. Все в сборе, только тебя не хватает.

В голове сразу возник образ их любимого пивного бара в Сверчковом переулке, а также частенько отдыхающих вместе с ними ребят-оперативников, и Вик растерянно забормотал:

– Ты что, Димон? В какой центр? Я на дежурстве.

– А я к тебе как к дежурному и обращаюсь. Спускайся скорее, едем на возможный труп, не задерживай людей, всем по домам охота.

Вернув злополучный чайник в кабинет, и так и не вспом-

нив про бутерброды, следовательно Цой подхватил портфель и выскочил на улицу.

В просторной «буханке» пахло беляшами, пустой пакет из-под которых лежал тут же, на торпеде, рядом с урчащей рацией, и одуряюще благоухал. Капитан Леднев развалился рядом с водителем, а оба эксперта – молодой развязный криминалист и собранный пожилой медик, расположились напротив Виктора, и сыто отдуваясь, ковыряли в зубах.

Разглядывая такие разные лица, имеющие одинаково умиротворенное выражение сонной одури, следовательно всю дорогу вспоминал о забытых в кабинете бутербродах и мысленно казнил себя за рассеянность.

Промчавшись по центру, машина свернула в подворотню и медленно вползла в темный двор-колодец из домов красного кирпича. Посреди двора стояла полицейская машина, вокруг которой толпились люди. Гудками разгоняя толпу, водитель втиснулся в промежуток между потрепанным «Фольксвагеном» и стеной старинного, еще дореволюционного, дома и заглушил мотор.

И тут же дверь «буханки» распахнулась, и участковый инспектор, заглядывая в салон и определяя Леднева как главного, сбивчиво заговорил:

– Ну, слава богу, приехали! Соседи меня вызвали, их запах насторожил. Я дверь открыл, а там останки.

– Не трогали ничего? – строго глянул на инспектора Леднев.

– Ни-ни, понятия не дадут соврать. Все как положено, вместе с понятиями вошли, увидели тело – и сразу же вызвали вас.

Этажей в доме было два, как и подъездов, и нужная квартира оказалась на верхнем этаже. Участковый инспектор распахнул высокие двери с грубо выломанным замком и впустил следователей в квартиру, занимающую целый этаж. Волна омерзительного запаха тут же накрыла вошедших, парализуя сознание. И, глядя на подавляющих рвотные позывы коллег, Вик похвалил себя за то, что не стал наедаться перед выездом.

– Гнилушка, – обмахиваясь папкой, по-стариковски проворчал судебно-медицинский эксперт.

Квартира была огромная и представляла собой студию с дизайнерским ремонтом. Похоже, хозяин предпочитал три цвета – белый, черный и красный, ибо белые стены соседствовали с черной мебельной кожей, и изредка, как элементы дизайна, встречались вкрапления красного.

– Начните с окон, – сдавленно попросил Вик заметно побледневшего эксперта-криминалиста, борясь с желанием прямо сейчас, немедленно, распахнуть все окна настежь и проветрить помещение.

Преодолевая дурноту, следователь Цой отправился в путешествие по квартире, отыскивая источник трупного запаха. И, заглянув в спальную зону, наткнулся на склонившегося между двух стеллажей Леднева.

– Здесь, – чуть слышно проговорил капитан, отодвигаясь в сторону.

Виктор перевел взгляд на пол и увидел черный ковер, на котором висилось тело, прикрытое сброшенным с кровати алым покрывалом. Тут же, словно из ниоткуда, возник юный криминалист и защелкал фотоаппаратом. Осторожно, точно тело могло взорваться, Леднев приблизился и потянул покрывало за край. За годы службы Цой видел всякое и все-таки никак не мог привыкнуть к таким вот разложившимся трупам. Вернее, к тому, что от них осталось. К темным студням вместо лица, к вспухшим туловищам под пиджаком. И умопомрачительному запаху.

Скорбно поджав губы, толстяк-медэксперт натянул резиновые перчатки, склонился над останками и сдавленно проговорил:

– Зря ждете. Я мало что вам сейчас скажу.

– Хотя бы главное – естественная смерть или насильственная? – стараясь не дышать, просительно выдохнулследователь.

Старик обиженно глянул на Виктора и сухо процедил:

– Не все сразу. Дайте хотя бы полчаса.

Вик спорить не стал, а, устроившись у распахнутого окна, взялся за составление протокола осмотра. Каждый занимался своим делом – эксперт-криминалист искал следы, судмедэксперт возился с трупом, а капитан Леднев с сотрудниками полиции обходили дворы и окрестные дома в поисках воз-

можных свидетелей. Ничего особенного. Обычный рабочий момент трудового дня следователя городской прокуратуры.

Москва, август 1910 года

Большую часть жизни Долли провела в Британии, но к двадцати трем годам вдруг ощутила острую потребность вернуться домой. Должно быть, этому желанию поспособствовала неожиданно объявившаяся графиня Святополк-Червинская, тетушка по материнской линии, оплачивавшая пансион. Графиня забросала племянницу письмами с рассказами о замечательных вещах, которыми в последнее время наполнилась ее некогда унылая жизнь. После смерти графа Екатерина Францевна всей душой отдалась теософии – мистическому учению с восточным колоритом. Создательница учения, Елена Блаватская, почитавшаяся как носительница великой мудрости, некогда уехала из России на Запад, оттуда и транслировала в мир тайные знания, ставящие своей целью примирение всех сект и религий под единой системой этики, базирующейся на вечных истинах.

Тетушка писала, что по субботам в ее доме собираются именитые теософы, и увлеченно перечисляла на страницах писем незнакомые имена. Также она писала, что одна теософская дама, Анна Рудольфовна Минцлова, не только знакома с самой Блаватской, но и как две капли воды походит на их великую соотечественницу. И, кажется, так же осведомлена обо всем, что касается тайных знаний. Минцлова недавно вернулась из Германии, где свела знакомство с главой немец-

кой секции теософского общества Рудольфом Штайнером, основавшим собственное учение. Штайнер во главу угла ставит мистерии, считая разыгрывание библейских сцен лучшим погружением в эзотерические тайны. Русские последователи немецкого новатора тоже задумали ставить теософские сценки, дабы пережить те же самые откровения, что и участники великих событий мировой религии.

Ведь только подумать, как будет чудесно воссоздать «Рождение Христа»! Или «Поклонение волхвов Божественному Младенцу принесением даров»! И даже «Танец Саломеи с головой Иоанна Крестителя» был бы не лишним на их еженедельных субботних вечерах. А кому танцевать Саломею? Не преклонного же возраста дамам теософского склада ума и солидной комплекции. Вот если бы Ольга вернулась в Россию и влилась в их ряды!

Ведь не зря тетушка выбрала эстетический пансион леди Эмили – она, графиня Святополк-Червинская, догадывалась – да что там догадывалась, знала наверняка! – что искусство свободного танца, которым за годы ученичества в совершенстве овладела племянница, когда-нибудь обязательно послужит для высших целей. Екатерина Францевна ни на что не намекает и вовсе не хочет давить, но все эти годы она оплачивала содержание племянницы за границей, и полагает, что вправе рассчитывать на ее отзывчивость.

Искусство свободного танца, о котором писала графиня, захлестнуло Европу и Америку, породив многочисленные

школы, где по методике француза Дельсарта обучали выражать свои чувства посредством пластических движений, которые с некоторой долей условности можно было назвать танцем. Было начало века, конец традиционной религии, конец традиционного искусства. В пику классическому балету сцены заполнили последовательницы Айседоры Дункан и Лои Фуллер, босоногие танцовщицы, учившиеся танцевать не у строгого преподавателя балета, готового отчислить из училища за малейшее самоволие, а у матери-природы, самоволие поощрявшей.

Долли с тетушкой спорить не стала. Собралась и поехала в Россию. Поехала вместе с Лили, такой же русской девушкой, дружба с которой помогла пережить все невзгоды и тяготы пансионной жизни. Они знали друг о друге все. Тайны, секреты, надежды и чаяния. И, окончив пансион, девушки открыли школу танцев, где всех желающих обучали ритмике и пластике по методу Дальсарта. Подруги считали себя почти что сестрами, и даже назвали свое заведение «Sister's Volinskay modern dancing school».

Поначалу все шло хорошо. Ученикам «сестер Волински» льстило, что в любом возрасте они могут вместе с тесной обувью скинуть душившие их комплексы и, отдавшись чувствам, начать кружить по просторной зале, рассказывая движениями ног, взмахами рук и эффектными позами обо всем, что накопилось на душе. Но постепенно обучающихся становилось все меньше, ведь для того, чтобы завести патефон

и закружиться в свободном, наваянном сиюсекундным вдохновением танце, вовсе не обязательно приходить в «dancing school». Ученики это быстро понимали и теряли к обучению интерес.

И когда Долли объявила, что едет в Россию, Лили сложила в чемодан свой нехитрый скарб и отправилась вместе с ней. Пути их разошлись на Николаевском вокзале. Лили взяла извозчика и отправилась в лучшую московскую гостиницу. Конечно же, это оказался «Метрополь». Долли же встречал присланный тетушкой экипаж, доставивший девушку в дом родни.

Вдова графа Святополк-Червинского, статского советника, бывшего предводителя дворянства в Калужской губернии и масона ложи «Полярная звезда», занимала особняк на Варварке. Прожив у тети пару дней, Долли поняла, что мистика здесь сочетается с последними достижениями науки, астральные тела подвергаются фотофиксации, а потусторонние звуки записываются на фонограф, после чего предаются тщательному изучению. И всем этим занимаются многочисленные теософы, полноправно проживающие в доме графини как единомышленники и друзья. С приездом племянницы активность Екатерины Францевны устремилась в новое русло – на подготовку танца Саломеи.

Показ первой мистерии решено было приурочить к возвращению из Петербурга Анны Рудольфовны Минцловой, и тетушка изрядно волновалась, что могут не успеть. Однако

оказалось, что племяннице ничего не нужно объяснять – достаточно включить музыку, специально написанную к действию близким к теософским кругам композитором Лагиным, и Долли тут же принималась кружить по просторному балльному залу в танце «Семи покрывал».

Прозрачная и легкая, с невесомой вуалью в руках, Долли казалась осенним листком, подхваченным ветром, уносящим ее хрупкое тело на край мироздания. Тонкие руки ее, вскидывая отрез золотой тафты, произвольно взлетали над головой, подобно крыльям парящей птицы, босые узкие ступни скользили по наборному паркету, почти его не касаясь, а тонкая белая туника, сшитая специально на заказ, эффектно развевалась шлейфом, при движениях повторяя контуры хрупкого тела.

После генеральной репетиции с костюмами и музыкой тетья, видя, что не ошиблась, прониклась к племяннице особым доверием. И даже позволила себе за обедом пуститься в довольно откровенные рассуждения, чего, возможно, в другой ситуации никогда бы и не допустила. Они сидели за десертом, когда Долли, закончив говорить о своем видении образа Саломеи, вдруг спросила:

– Тетушка, мы все ждем госпожу Минцлову. Чем она знаменита?

– Анна Рудольфовна? – Тетка вскинула тонкие брови, собрав складками лоб и сделавшись похожей на маленькую обезьянку, на секунду задумалась. Затем поправила пышную

прическу и с напором заговорила:

– Ну, прежде всего, Минцлова сильный медиум. Я и сама обладаю медиумическими способностями, но с Минцловой сравниться не могу. Вот, к примеру, был такой случай. На острове Рюген в Финляндии на Анну Рудольфовну нахлынули вдруг ассоциации. В одном ущелье ей было знамение, будто бы много столетий назад на этом самом месте были перерезаны германцами все жрецы Арконы.

– Что за город такой – Аркона? Никогда о нем не слышала.

– Это даже не город, а древний поселок, центр славянских мистерий, и Анна Рудольфовна рассказывала о кровавой трагедии так, будто сама присутствовала при казнях. Она удивительная. О Минцловой ходят легенды. Говорят, она была правой рукой Рудольфа Штайнера, но не сошлась с ним во взглядах и сейчас создает свое собственное учение и отбирает учеников.

Тетка понизила голос и проговорила:

– Я подозреваю, что многие поклонники оккультных знаний крутятся у меня в доме с единственной целью – попасться на глаза к Минцловой и стать ее последователями.

– Вы имеете в виду кого-то конкретного? – обмирая от радостного предчувствия, чуть слышно спросила Долли.

– Ну, как сказать... Не то чтобы конкретного. Анна Рудольфовна ищет учеников среди людей творческих, присматривается к первым величинам символистского движения. Из бесед с ней можно понять, что интересуют ее Брю-

сов, Белый, Вячеслав Иванов. Кстати, Белый ко мне частенько захаживает, и, полагаю, что неспроста.

– А про Льва Тихомирова вы от Минцловой никогда не слышали?

– Ну как же, – согласно кивнула Святополк-Червинская. – Лев Семенович – помощник Минцловой, что-то вроде секретаря. Однако не думаю, что Анна Рудольфовна принимает его всерьез. Говорит, что Левушка – не мистического склада человек. Простоват не в меру, хотя и стремится угодить.

– Лев Семенович приедет вместе с Минцловой?

– Вероятнее всего.

Тетушка внимательно взглянула на племянницу.

– Отчего он тебя интересуется?

– Совсем нет, не интересуется вовсе, – окончательно смутилась Долли.

И торопливо вышла из-за стола, почти бегом устремившись в свою комнату.

Оставшееся время не жила – существовала, в волнении ожидая день премьеры. Она любила и знала Льва всю жизнь. Закрыв глаза, вспоминала его лицо, его запах, руки, сильные и нежные одновременно. Когда ей было грустно, воображала себе, будто Лев рядом с ней. Что стоит ей захотеть, и Лев тут же придет по первому ее зову. В пансионе и после, когда с Лили открыли школу танцев, девушки часто разговаривали о Льве, и Долли убедила подругу, что Лев – третий член их крохотной семьи, и как только они, трое, встретятся, все тут

же станет совсем-совсем иначе.

И вот настал долгожданный день. День приезда Минцловой.

Гости съезжались ближе к вечеру. Долли обрядилась в белый хитон, украсив руки предложенными тетей драгоценностями, высоко взбила длинные светлые кудри и, прихватив многометровую золотую вуаль, босиком выпорхнула в зал. В центре высился накрытый яствами стол, на возвышении возлежал царь Ирод в исполнении одного из членов их теософского кружка. Вдоль стен тянулись кресла, в которых разместились люди, но Долли никого не видела — она смотрела только на Льва.

Вот он, Лев! Ее Лев! Так долго Долли мечтала его увидеть снова, и наконец мечта ее сбылась.

Заметив, что танцовщица смотрит исключительно в их сторону, большая и грузная Минцлова приняла взгляд Долли на свой счет, с тюленьей грацией заворочавшись в кресле и в знак одобрения царственно кивая. Из небрежно собранных в пучок желтых волос на ковер посыпался град шпилек, и самодовольная улыбка осветила одутловатое лицо теософки. Анне Рудольфовне казалось вполне естественным, что хрупкая девочка пляшет исключительно для нее, стараясь понравиться. Что в этом особенного? Все мечтают ей нравиться.

Но Долли не замечала двусмысленности положения. Она парила по залу только для него, для Льва Тихомирова. Она

жила им, каждый день, каждый час вспоминала о нем. С того самого дня, как приехала в Лондон. Заметив в одном из писем графини имя Минцловой, поняла, что Лев где-то рядом, и тут же решила возвращаться в Россию. И вот она здесь. И танцует перед ним и только для него!

Не чувствуя от счастья под собою ног, взмахивая вуалью, она кружилась перед теософами в полном драматизма танце, и, когда, похожий на ассирийца «царь Ирод» поднялся со своего ложа и вручил прекрасной танцовщице блюдо с «головой» Иоанна Крестителя, Долли приняла протянутый ей дар и, грациозно скользя по паркету, приблизилась ко Льву. Приблизилась, и, упав на колени, опустила блюдо между креслами Минцловой и ее помощника.

Зал потонул в шквале аплодисментов, а Долли вскинула на Льва глаза и, лучась от восторга, чуть слышно выдохнула:

– Боже, как я счастлива! Я нашла вас!

Позже, после шумных оваций и поздравлений, Долли приблизилась и робко спросила:

– Господин Тихомиров, не могли бы вы уделить мне пару минут?

Лев удивился, но ничего не сказал, покорно дав увести себя от шума и восторженных рукоплесканий.

Они сидели в ее комнате, и Долли говорила:

– Ну же, вспомните, Лев Семенович! Вы были в Англии, у нас в пансионе. В девятьсот пятом году. Вспомнили? Эстетический пансион леди Эмили Грэхен. Вы тогда сидели с дру-

гими теософами и с Минцловой в первом ряду, и мы, воспитанницы, танцевали перед вами, гостями директрисы. Леди Эмили сказала нам, что Анна Рудольфовна – невероятная, почти святая. А мне стало дурно, и я упала. Вы взяли меня на руки и понесли в лазарет. А потом вы заговорили с Минцловой по-русски, и я, много лет не слышавшая родной речи, поняла, что готова слушать ваш голос вечно.

– Вы преувеличиваете, Ольга Павловна, – тепло улыбнулся Тихомиров, но Долли его горячо перебила.

– Нет-нет, вы особенный, Лев Семенович, и не смейте этого отрицать! Минцлова называла вас Лев, я запомнила. Вам так подходит ваше имя! У вас такое доброе, хорошее лицо. Вы похожи на херувима с рождественской открытки. Я тогда уже подумала, что обязательно вас разыщу. Вернусь в Россию и найду вас.

– Зачем же я вам понадобился? – ласково склонился к ней собеседник, принимаясь теребить пшеничные усы, переходящие в благостную русую бородку.

Он был по-своему красив. Светловолос, высок, хотя и несколько рыхловат. В полном лице его было нечто такое, что вызывало безотчетное доверие, в карих глазах светилась любовь ко всему миру, тихий голос звучал с бесконечным участием.

– Я очень хочу быть вам полезной, – восторженно шептала Долли, пожирая глазами его атласный жилет и толстую серебряную цепочку, выглядывающую из-под rispetably-

го пиджака. – Распоряжайтесь мной, милый Лев Семенович, как посчитаете нужным. Вы и я – мы одно целое. Неужели вы не чувствуете нашей внутренней связи?

– Де нет, ну что вы... – смутился Тихомиров, оставив бо-родку в покое и тряхнув золотистыми прядями волос. – Мне, право, неловко. Я ничем не заслужил.

Он помолчал, растерянно глядя на собеседницу, и вдруг оживленно проговорил:

– Хотя, Ольга Павловна, знаете что? Вы и в самом деле можете мне помочь. Я дам вам стихи одного поэта, хороше-го, современного автора. Александра Зорина. А вы отправи-тесь в редакцию «Скорпиона» и отнесете рукопись, сказав, что стихи ваши. Как вам такая помощь?

Долли смутилась от неожиданности.

– Вы думаете, у меня примут стихи? – чуть слышно про-шептала она.

– Непременно примут, – горячо заверил ее гость. – Осо-бенно если назовете Брюсову свое имя и скажете, что при-были из Англии.

– Отчего вдруг такое предпочтение именно Англии?

Тихомиров ласково тронул ее руку и мягко заговорил:

– Ну как же, Ольга Павловна, неужто вы не знаете! Ведь Англия – колыбель символизма. Оттуда родом эстет и ро-мантик Джон Китс. Опять же Оскар Уайльд и его учителя – великие «парнасцы». В конце концов, Уолтор Пейтер с его «Очерками по истории искусства Ренессанса». В свое вре-

мя Оскар Уайльд называл эту книгу «My golden book». Какие имена, какие люди! Валерий Яковлевич благоговеет перед ними. И вдруг являетесь вы, прищелица оттуда, из далекого эстетствующего Лондона. Как же главному редактору «Скорпиона» не влюбиться в ваши стихи? К тому же Брюсов крайне тщеславен, ему будет лестно, если сама дочь Опального Князя Ольга Волынская станет у него печататься. Хотя бы и под псевдонимом Зорин.

– Лев Семенович, зачем вам это? Вы просто хотите помочь?

– Очень хочу, Ольга Павловна. И если у нас получится помочь начинающему поэту Александру Зорину, поможем потом и еще одному хорошему человеку, Модесту Рюмину.

– Да вы и в самом деле святой! Лев Семенович! Это так прекрасно – помогать людям! Конечно, я сделаю все, что от меня зависит! Я завтра же отнесу стихи. Где я смогу увидеть вас, чтобы сообщить результат?

Тихомиров расцвел улыбкой, прижавшись губами к ее руке.

– Ольга Павловна, дорогая моя, я знал, что смогу на вас положиться! На Лубянском проезде, в доме Стахеева, есть магазинчик «Антикварная книжная торговля Захара Тихомирова». Владеет лавкой мой дед, Захар Акимович. Мы проживаем там же, в задних комнатах и допоздна не ложимся. Можете приходить, когда вам будет угодно. Завтра с утра посыльный доставит рукопись.

Тетушка деликатно стукнула в дверь, и, заглянув, напомнила, что уже поздно и Льву Семеновичу, должно быть, пора домой. Лев заторопился, снова поцеловал Долли руку и вышел. Долли отправилась следом и застала Минцлову в гостиной. Теософка никуда не торопилась, и сидела за накрытым столом Ирода Антипы. Почти шепча, провидица очень тихо и многозначительно говорила прислушивающимся к ней собратьям – теософам:

– Представить страшно, какой творится ужас! За время моего отсутствия в городе поднялась черная банда оккультистов самого низменного разряда! Эти изверги начали страшную деятельность в Москве. Случилось так, что я сейчас одна из представителей «белой школы». Против нас сейчас толпа сильных, темных, абсолютно незнающих, но практически очень сильных оккультистов.

Минцлова еще больше понизила голос и чуть слышно выдохнула:

– За ними стоят еще другие, приближающиеся.

Помолчала и чуть громче продолжила:

– Когда я была в Москве проездом из Крыма в Петербург, ко мне обратились с отчаянной просьбой – очень серьезный случай одержимости. Но я отказала, я всей душой рвалась в Петербург, к Вячеславу. Меня не было три недели, и обратились к другому «оккультисту». И тот пришел в призывавшую его семью и, взглянув на одержимую, изрек следующий приговор: «Эта женщина неотвратимо должна погибнуть от

самоубийства, которое внушает ей дух, одерживающий ее. Спасти ее нельзя. Ей грозит страшная участь в будущих мирах, если она покончит с собой под давлением духа темного, и спасти ее можно только одним – убить ее». Муж этой дамы, несмотря на искреннюю любовь к ней, согласился на убийство, убийцей вызвался стать друг семьи, а самой жертве все равно, что с нею будет.

Минцлова закончила вещать и деловито приступила к трапезе, однако никто за столом не посмел взяться за приборы. Замерев в напряженных позах, теософы заворуженно смотрели на Анну Рудольфовну, ожидая ее дальнейших откровений.

Прожевав и проглотив, Минцлова обвела сотрапезников близоруким взглядом и шепотом закончила:

– Но я все-таки успела вернуться в Москву до того, как случилось страшное. И не позволила свершиться злу. Я вызволила одержимую из вечного ада, изгнав злого духа с помощью Учителей.

Закончив говорить, Анна Рудольфовна с аппетитом продолжила трапезу. Теософы не смели шелохнуться.

Москва, наши дни

Уже за полночь приступил следователь Цой к описанию трупа. Одежда, имеющиеся на теле украшения, поза, состояние волосяного покрова, костей, мягких тканей. И вот тогда-то все это время не отходивший от покойника судмедэксперт устало сообщил:

– Кости черепа не только повреждены, но и раздроблены. Все остальное узнаю при вскрытии.

– Значит, убийство.

– Да уж, сам он так шарахнуться не мог, – проворчал старик, делая соскоб запекшейся крови с ковра. – А ведь ковер-то белый, – перевернув труп, удивленно проговорил он, и Цой не сразу понял, что судмедэксперт имеет в виду.

Как же белый, когда черный? Не верь глазам своим! И только приподняв ковер и взглянув на его изнанку, следователь увидел белую текстильную основу.

– Ну и дела! Это что же получается, ковер пропитан кровью так, что даже почернел? – пробормотал Виктор. – Литров десять крови из покойника вылилось. Явный перебор.

Притихшие было понятые, ахая и охая, снова завозились на принесенных от соседей стульях.

Цой недружелюбно зыркнул на молодящуюся старуху, что-то говорящую на ухо своему молчаливому супругу, повторяя строгий взгляд капитана, и, обращаясь к мелькнув-

шему в районе кухни Ледневу, прокричал:

– Дим, удалось установить имя хозяина квартиры?

Капитан приблизился к следователю и протянул паспорт.

– Панаев Илья Петрович, – прочитал Цой первую страницу. И, глядя на фотографию, протянул: – Тот самый Панаев?

– Ага. Тот самый, – подтвердил капитан, иронично пропев: – Профессор биоэнергетических наук!

Помолчал и презрительно добавил:

– В зубах уже навяз, олень винторогий.

– Винторогих оленей не бывает, – усмехнулся Вик.

– Раз Панаев есть, значит – бывает, – начал злиться Леднев.

– Ты недобр к покойнику.

– Станешь тут недобрым! По телевизору, по радио – ото всюду только и слышно – Панаев, Панаев, Панаев. Мать с утра пораньше включает телевизор – и понеслось! Панаев женился. Панаев развелся. Панаев купил новый дом. Как будто кому-то интересен этот старый дурень.

– Сам же говоришь, что мать про него передачи смотрит. Значит, интересен.

– Разве что таким же старым дурам.

– Панаев один жил?

– Я же говорю. Женился. Развелся. Опять женился и жил с молодой женой. Земфирой Аюшевой.

– И где сейчас Земфира Аюшева? Отчего так долго в семейном гнезде не появлялась, что муж успел основательно

протухнуть?

– Аюшева гостила у родителей в Казани, а когда мы позвонили, сразу же выехала в Москву.

Из угла, где расположились на стульях понятия, раздался старушечий голос:

– Я бы на вашем месте, товарищи, присмотрелась к молодой жене. Ни здрасте от нее, ни до свиданья. Буркнет что-то себе под нос, и была такова, вертихвостка. Вот Гелечка до нее была – святая.

– Кто такая Гелечка?

– Ангелина Юрьевна Цатурян, первая жена Панаева. Все горевала, что деток ей Господь не дал. Болезнь придатков у нее в детстве была, она рожать, бедненькая, не может. Сирота она, в детском доме выросла, и семейное счастье ценит превыше всего. Благотворительностью занимается, больным детишкам помогает. Но разве мужчинам важна душевная красота? Чуть женщине перевалило за тридцать – все. Для мужа она старуха. Молоденькую подавай. А уж перед Панаевым этих красоток молоденьких сколько вертелось! И не считать. И каждая в жены норовила набиться.

– Простите, как ваше имя-отчество? – приблизился Виктор к понятию.

– Татьяна Романовна Зычкова, живу на первом этаже.

– Как вы думаете, Татьяна Романовна, могла Цатурян отомстить мужу?

– За что?

– За нанесенную обиду.

– Да не было никакой обиды, они полюбовно расстались. Гелечка ведь тоже мужчину себе нашла. Я недавно ее в центре встретила. Идет со своим новым другом, глаза горят, и сама так и светится.

– Как друга зовут, случайно, не знаете?

– Чего не знаю, того не знаю. Врать не буду. Молодой, красивый брюнет. А Панаев хоть и видный мужчина, но старый уже. Про таких говорят – песок сыпется. Нет, не стала бы Ангелина ему мстить. Дай бог ей счастья, не женщина – ангел. А Земфира эта – прохиндейка бесстыжая. Панаев хоть и экстрасенс, а в людях разбираться не умеет.

Понятая поджала губы и, мелко трясая головой от возмущения, многозначительно замолчала.

Вик уныло оглядел бескрайние пространства квартиры экстрасенса и, взглянув на Леднева, задумчиво протянул:

– Дим, как думаешь, может, не ждать приезда Земфиры Аюшевой, а пригласить кого из родственников, чтобы труп прямо здесь опознали? А то начнем поднимать на носилки, он совсем на атомы развалится.

– Дело говоришь! А заодно и посмотрят, все ли в квартире цело, – согласился Леднев.

– Я позвонила Гелечке, она уже прилетела, голубка моя, – оживилась Зычкова. И, выглянув в окно, указала на освещенный серебристый джип: – Вон ее машина, под фонарем стоит.

Сбитый с толку чрезмерной инициативностью соседки, следователь Цой молчал, и капитан раздраженно дернул его за китель.

– Ну что, Виктор Максимович, звать Цатурян?

– А, зови, – дал отмашку Виктор. – И пошли своих ребят, пусть запись с камеры над подъездом под протокол изымут.

В ожидании первой супруги Панаева следователь Цой продолжил обходить квартиру, заполняя бумаги. Он уже дошел до кухни, когда распахнулась дверь, и на пороге появилась плотная чернявая женщина в дорогом шелковом платье оттенка чайной розы. Круглое большеносое лицо ее было сосредоточенно, между искусно вычерченных бровей залегла глубокая складка, точно она перемножала в уме трехзначные числа.

– Боже мой, ну и запах! – Вошедшая зажала пальцами нос. И с напором продолжила: – Мне позвонила Татьяна Романовна, сказала, что в доме полиция и труп нашли. Труп Панаева?

Голос ее дрогнул.

– Это вы мне скажите, – удивленно протянул Виктор. – В квартире обнаружено разложившееся тело, предположительно господина Панаева. Супруги его, Земфиры Аюшевой, в городе нет, и только вы на данный момент можете помочь следствию.

– Да-да, конечно. Я понимаю, – закивала Цатурян.

– Только, предупреждаю, зрелище не из приятных.

– Ничего, я сильная.

Они прошли в зону спальни и, заметив труп, женщина в ужасе зажала ладонями рот и закрыла глаза. Она стояла так, пока следователь Цой не тронул ее за плечо.

– Обмерла-то как, голубка моя, – жалостливо затянула последовавшая за ними соседка.

Взяв себя в руки, бывшая супруга экстрасенса приблизилась к телу настолько, насколько позволял едкий смрад, и всмотрелась в останки.

– Это Панаев, – наконец проговорила она.

Помолчала минуту, пристально вглядываясь, и снова повторила:

– Точно Панаев!

– Вот и ладошки, – вздохнул Виктор. И начал заполнять шапку протокола опроса свидетеля.

– Ангелина Юрьевна, по каким приметам вы определили, что тело принадлежит вашему бывшему мужу? – уточнил он, вписав в нужные графы фамилию, имя и отчество опрашиваемой.

– Браслет на правой руке Ильи и амулет на шее. А вот кольца на мизинце нет. Панаев это кольцо никогда не снимал.

– Что за кольцо? Дорогое? – Вик зачиркал ручкой по протоколу, делая пометки.

– Панаев говорил, что это кольцо когда-то принадлежало Кристиану Розенкрейцу.

– Как выглядело кольцо?

– Широкое, плоское, золотое, на внешней стороне выгравированы крест и роза. Думаю, что стоило оно не очень дорого, но для последователей Панаева это, несомненно, вещь бесценная.

– Вы тоже принадлежите к его последователям?

Женщина надменно взглянула на Вика и холодно ответила:

– Я сама по себе. Разрабатываю тренинги женской привлекательности. Но начинала я, само собой, как ученица Панаева.

– И в процессе обучения Панаев на вас женился? То есть получается, что выучил Илья Петрович вас на свою голову и вы тут же стали манипулировать своим учителем?

Прозвучало грубо. Так, как будто Ангелина Юрьевна была настолько нехороша, что без помощи оккультных практик не имела ни малейшего шанса увлечь приглянувшегося мужчину. Да так оно и было. Внешность у оккультистки была на удивление неприятной, и от этого замечание сыщика звучало еще обиднее.

– Напрасно иронизируете, – уловила насмешку Цатурян. – С Ильей мы поженились семь лет назад по большой взаимной любви. А в прошлом году Панаев сказал, что жить со мной не хочет и что полюбил Земфиру. Илья и раньше гулял, но так категорично не ставил вопроса. И я решила: не хочет жить – не надо. Я тут же подала на развод – я не привыкла

никому навязываться.

– Аюшева тоже была ученицей Панаева?

– Все они были его ученицами. Да это и не удивительно. Панаев хоть и в возрасте, но по сути своей альфа-самец, привык брать все что хочет. А как не захотеть, если вокруг уви-
дается молодое женское мясо?

– Звучит цинично.

– Зато отражает суть.

– Как при разводе делили имущество?

– Я согласилась жить в доме на Новой Риге, Панаеву осталась эта квартира. И еще несколько квартир в разных местах города. И дома за рубежом. Машины поделили поровну. Мне, как селянке, достался джип, Панаеву – «Инфинити» представительского класса – кататься по Москве.

Закончив записывать, Цой попросил:

– Ангелина Юрьевна, будьте любезны, взгляните, из квартиры ничего не пропало?

Цатурян начала осмотр со встроенного, во всю стену, шкафа в спальном зоне. Откатила дверцу и быстро пробежала глазами по полкам с постельным бельем. Затем выдвинула ящички и осмотрела лежащие в них мелочи. Откатив другую дверку, пролистнула вешалки с мужскими костюмами и дамскими платьями. Перебрала чехлы с шубами и пальто, заглянула в шляпные коробки и осмотрела выстроенные в шеренгу пары обуви. Пожала плечами и отправилась дальше.

Передвигаясь от одного предмета мебели к другому, жен-

щина, не торопясь, обошла просторное помещение. Задержалась около стойки с плазмой, отодвинув домашний кино-театр и сунув руку в темную глубину стеллажа. Вынула железную коробку из-под конфет «Рафаэлло», открыла и, указав на стопку пятидесяти тысяч купюр, проговорила:

– Деньги не взяли, значит, не за деньгами приходили. Панаев на мелкие расходы приблизительно полмиллиона дома держал.

Отложила коробку, двинулась дальше и, остановившись рядом с кухонным столом, уверенно сказала:

– Вроде все на месте. Говорю же вам, это не ограбление. А когда вы приехали, дверь уже была взломана?

– Нет, участковый вскрывал.

– Значит, точно не грабить пришли.

– А за чем же пришли, по-вашему?

– Сами видите, взяли только кольцо. Из-за него Панаева и убили.

– Значит, убить мог любой из учеников Ильи Петровича с целью завладеть кольцом?

– Именно так. Честно говоря, я не думаю, что вы найдете убийцу. Люди, обладающие биоэнергетическими способностями, умеют замечать следы...

Она замолчала и прислушалась.

У дверей послышался топот, возня, нечленораздельные возгласы, и Леднев зашелся в яростном крике:

– Кто пустил репортеров? Пошли отсюда прочь! У-у, ста-

до баранов! Сейчас все улики затопчут!

Но журналисты уже прорывались в квартиру.

– Всего один вопрос, пожалуйста!

– Когда наступила смерть?

– Это убийство?

– Вы уже знаете, кто убийца?

– Земфира Аюшева имеет отношение?

– Ангелина Цатурян здесь? Можно ее сфотографировать?

Всего одно фото!

– Быстро выметайтесь!

– Все-все, уже уходим...

Полыхнули вспышки фотокамер, Цатурян с заметным опозданием прикрылась полной рукой, и разъяренный капитан сгреб представителей прессы в охапку и вышвырнул на лестницу. Закрыв за газетчиками двери, Леднев прошел в зону гостиной, уселся на диван и, закинув ногу на ногу, ворчливо проговорил:

– Если б знал, кто прессу приволок, рожу начистил!

– Спасибо, Ангелина Юрьевна, – натянуто улыбнулся Вик, уловив очевидный подтекст в словах капитана. – Не смею вас больше задерживать.

– Гелечка, держитесь, дорогая моя, – пропела вездесущая соседка. Поудобнее устроилась на стуле и чуть слышно выдохнула: – Святая женщина! И чего Панаеву было надо? На мужиков не угодишь.

Сдержанно кивнув, Ангелина Юрьевна под нелюбезными

взглядами представителей власти направились к дверям. Не спуская злобных глаз с широкой спины женщины, капитан вытряхнул из пачки последнюю сигарету, закурил и, сплюнув в пустую пачку, все-таки не сдержался, процедив:

– Могу поспорить, это Цатурянша журналистов на труп приволокла. Рекламу на смерти, сучка, делает.

Понятая Зычкова развернулась лицом к капитану и, сверкнув глазами, не сказала – плюнула:

– Слушайте, вы! Если завидуете – завидуйте молча! Ишь, аферисты! Думаете, мы не знаем про ваши делишки? В интернете про вас все написано!

Глядя в перекошенное лицо понятой, Вик тоскливо подумал, что, пожалуй, переоценил свое стремление к справедливости. Следователем прокуратуры быть вовсе не так lucriferously, как пишут в романах.

Москва, август 1910 г.

Было не поздно, часов девять вечера, когда в квартире за букинистической лавкой раздался звонок. Захар Акимович уже спал, и это было хорошо. Кому нужны пустые разговоры – кто пришел? Зачем пришел? Если старик увидит, что поздний визитер – очаровательная юная девушка, вообще не даст покоя. А Ольга Павловна, и правда, прехорошенькая. Лев разглядел ее как следует еще тогда, в их первую встречу в доме графини Святополк-Червинской. Теперь же, помогая раздеться, еще раз имел возможность в этом убедиться. И удивлялся себе, как мог не заметить ее в Англии пять лет назад.

С Анной Рудольфовной Лев и в самом деле ездил в Лондон, на теософический конгресс, где председательствовала мисс Безант. Конгресс проводился в Кенигстонских садах в «Роял Палас отеле» и промелькнул, будто в тумане. В норд-экспрессе теософка всю дорогу что-то вещала о трех возможных путях движения к постижению сверхчувственной реальности, которая стоит за происходящим в дольном мире.

Первый путь вроде бы восточный эзотеризм, преимущественно индийский. Путь второй, кажется, христианский. А вот третий – совершенно точно – розенкрейцерский.

И Минцлова считала, что третий путь – самый верный. Ибо главная цель теософии заключается в том, чтобы че-

ловеку, как высшему созданию Божьему, получить власть над природой, подчинить себе природные законы и распоряжаться ими по своему усмотрению. Но Лев был погружен в думы о недавно погибшей невесте Раисе и не слишком прислушивался к рассуждениям провидицы.

Они с Раисой хотели пожениться и жить вместе с дедом, помогая в лавке. Может, и вышло бы из этого что-то путное, хотя вряд ли. С Захаром Акимовичем общаться было настолько непросто, что даже Семен – сын старика-букиниста и отец Льва – в свое время предпочел перебраться с семьей из квартиры за торговым залом магазинчика в мансарду под самой крышей, что было явным понижением статуса.

Лев проживал на Лубянке с самого рождения и хорошо знал порядки доходного дома и его обитателей. По тому, какую квартиру выбирал наниматель, можно было судить о его положении в обществе. В помещении под парадной лестницей проживал швейцар Осип Осипович. Дородный старик в пушистых генеральских бакенбардах топил камин и печи, обогревающие вестибюль и лестницу, драил мозаичные площадки, чистил медные дверные ручки, а ночью по звонку отпирал дверь. Далее, на первом этаже располагались офисные помещения земского банка, букинистическая лавка Тихомирова, аптека восточных трав Син Гур Ли и зубоврачебная клиника доктора Ааронова.

Большие барские квартиры в десять-пятнадцать комнат в бельэтаже снимали состоятельные господа, которые посто-

янно менялись, ибо обычно арендовали квартиры на сезон, до лета, а затем съезжали на дачи. За это время материальное положение нанимателей зачастую претерпевало изменения, и осенью, как правило, в бельэтаж заезжали новые господа. В таких апартаментах вместо голландских печей уже было электрическое отопление и дозволялось держать рояли.

На остальных этажах в небольших квартирках с маленькими комнатами и окнами во двор селилась интеллигенция, и тоже каждый год сменяющая друг друга. А в крошечных, под самой крышей, помещениях с низкими потолками, на мансардах и чердаках, обитали бедняки – студенты и мелкие служащие. Здесь же, по соседству, прачки сушили белье. Именно там, под крышей дома, между развешанными для просушки простынями и учебниками по гражданскому праву и прошло детство Льва. Хотя в ранней юности, до его восьмого дня рождения, они с матушкой, отцом и дедом вместе жили в небольшой, но уютной квартирке за лавкой.

Занимаясь книготорговлей всю свою жизнь, к началу двадцатого века Захар Тихомиров представлял собой уникальный образчик московского букиниста, помешанного на старинных изданиях на самых разных языках, и был профессором своего дела, не хуже легендарного Кольчугина с Никольской. Ассортимент он подбирал придирчиво.

Некогда крепкий здоровяк, дед предпринимал дальние вылазки в пришедшие в упадок барские имения и тщательно осматривал тысячи покрытых пылью томов, отбирая рари-

тетные фолианты. Таких букинистических редкостей за долгие годы у Захара Акимовича скопилось преизрядное количество, но продавать их букинист категорически отказывался. Жил он за счет грошовой торговли подержанными учебниками, бульварными романами, сочинениями Загоскина, Булгарина, переводами Дюма, Вальтера Скотта и Диккенса.

Знающие люди, заглядывающие в лавку к Тихомирову и перебирающие его сокровища, оценивали собранную коллекцию в огромные суммы, и некоторые были готовы купить ее целиком, но деньги как таковые Захару Акимовичу были не нужны.

Довольствуясь малым, букинист и родных держал в черном теле. Каждому члену семьи заглядывал в рот, считая съеденные куски, и требовал, чтобы вещи донашивали до состояния ветоши.

Не выдержав, жена букиниста забрала сына Семена и вернулась в деревню, откуда в свое время Тихомиров увез ее в Москву, но вскоре привезла обратно, сообщив, что взрослого парня, не привыкшего к сельскому труду, в деревне ей не прокормить. Мальчишка проявил к учению большие способности, с отличием закончив городскую гимназию, и без помощи родителя поступил в университет.

Зная скарედность отца, старался перебиваться сам, давая частные уроки. Захар же Акимович, справивший Семену фуражку и шинель и обеспечивший подержанными учебниками, искренне полагал, что выучил сына на собственные

деньги.

Закончив университет, Семен женился на горничной господ из бельэтажа и стал учительствовать в гимназии. Молодая родила сына, назвала его Львом, и по мере сил помогала в лавке, а потом стала хворать, пока окончательно не слегла. Семен решил, что нездоровье супруги вызвано крутым характером Захара Акимовича и книжной пылью, и, не считаясь с нехваткой средств и удобством проживания в просторных комнатах за лавкой, на восьмом году жизни Льва арендовал мансарду.

Тогда-то и появились благодетели. Торговец лесом из Нарвы Альберт Устинов снял той осенью квартиру в бельэтаже, и его супруга, чахоточная Ада Константиновна, пригласила отца давать уроки их сыну Алеше.

Лев Алешу не любил. И не просто не любил, а до нервической дрожи не мог терпеть рядом с собой разодетого в матросский костюмчик мальчишку с вечно шмыгающим носом и приоткрытым слюнявым ртом.

Льву было восемь, Алеше – лет пять, не больше, и Устиновы решили, что мальчишки – друзья. Когда гулял Лев, выпускали во двор и Алешу, и соседский мальчик хвостом ходил за Львом, с восторгом выполняя все его просьбы и принимая участие в играх.

Стараясь держать себя в руках, Лев выработал определенную тактику – главное, чтобы Алеша не прикасался к нему своими липкими ручонками и как можно реже попадался

на глаза. Все вроде бы было неплохо, и, засыпая, Лев каждый вечер возносил молитвы Боженке за доброту. Но затем Лев вдруг заметил, что матушка носит старые платья мадам Устиновой. В душе поднялась волна острой боли, заглушить которую Лев пытался, запираясь в сарае, снимая ботинок и до крови расковыривая гвоздем стопу. И когда боль физическая, обостряющаяся при каждом шаге, подавляла боль душевную, Льву становилось легче.

Дома не замечали, что мальчик начал хромать, ибо были поглощены своими заботами. Лев хромал, мучился от раздирающей его боли и делал вид, будто не обращает внимания на матушкины «обновки». Но мадам Устинова не унималась – ее благотворительность все росла и ширилась. Теперь уже отец донашивал костюмы господина Устинова. И снова Лев запирался в сарае и теперь уже, ковыряя собственную плоть ржавым железом, выл в голос, ругал доброго Боженку, допустившего такое унижение, и желал себе смерти. Жить с ощущением собственной никчемности было выше его сил, а что-либо изменить Лев не мог. Но когда на обеденном столе стали появляться недоеденные ужины господ из бельэтажа, Льва обуяла дикая ярость. И мальчик решил действовать.

В тот год зима выдалась на удивление холодная, и Лев, отказывая себе в котлетах с устиновского стола, начал подкармливать крупного красивого пса Валета, обретавшегося на Лубянской площади у биржи извозчиков.

Возвращаясь из гимназии, Лев доставал свой несъеденный обед и бросал собаке. Собака на лету ловила котлету и, заглотив угощение, убегала к трактиру. На Льва внимания никто не обращал — из-за холодов гуляющих было немного, а редкие прохожие, закутанные до самых бровей, спешили поскорее укрыться в тепло. Когда Валет привык к ежедневной подачке, Лев, не выпуская приманку из рук, стал зазывать пса в дальний скверик, и, скрывшись в густых заснеженных кустах, протягивал котлету на ладони. Валет еду брал, но дрессуре не поддавался. Однако Лев имел цель, для достижения которой готов был заниматься с кобелем до бесконечности. И день за днем отрабатывал приемы дрессировки, пока собака не стала видеть в мальчишке хозяина.

Вскоре пес, виляя хвостом, ждал своего кормильца у входа в сквер. А потом Валет стал выполнять команды. Понемногу, шаг за шагом, Лев добился от кобеля безоговорочного подчинения, и ближе к весне перешел ко второй части своего замысла. Этой зимой благотворительница Ада Константиновна отдала им старый Алешин башлык. Его-то и использовал Лев, чтобы притравить пса. Лев совал собаке в морду башлык и кричал: «Фас!», и Валет бросался рвать Алешину вещичку зубами.

Был прекрасный майский день, когда Лев решил, что время настало. По прилегающим переулкам он привел Валета во двор и, дождавшись, когда выйдет Алеша, негромко командовал: «Фас»!

Собака не тронулась с места, с недоумением глядя на нового хозяина. Тогда Лев достал из ранца изодранный башлык и сунул в палевую морду. Пес схватил зубами рваную тряпку и, шумно втянув воздух ноздрями, точно нюхая ветер, скачками устремился прямо на Алешу.

Стоя спиной к арке, малыш играл тонкой палочкой с серебряным обручем, и не сразу заметил грозящую опасность. И только в самый последний момент Алеша обернулся на приближающийся топот собачьих лап и, отшатнувшись, упал. Пес, обронив башлык, прыгнул на мальчика сверху.

Закрыв лицо ладошками, Алеша закричал от страха и боли, собака же, не обращая внимания на крики, молча рвала зубами детскую плоть.

В первый момент Лев обрадовался, что его затея удалась. Но в следующее мгновение, спохватившись, уже бежал к месту трагедии, чтобы забрать явственно указывающую на него улику. А когда приблизился к сплетенному из детского и собачьего тела клубку, увидел, что к ним уже спешат со всех сторон.

Торопливо спрятав в ранец башлык, Лев, окруженный зеваками, отогнал собаку, подхватил истерзанное тельце Алешы на руки и, продираясь сквозь толпу, понес в бельэтаж, слыша надсадный собачий вой и краем глаза отмечая, что швейцар ломом молотит Валета по голове.

Он позвонил в квартиру, прошел мимо застывшей в дверях прислуги, внес еле живого Алешу в роскошную гости-

ную, положил на атласный пузатый диван, и вот тогда Ада Константиновна порывисто прижала пальцы к губам и взглянула на Льва с безграничным ужасом, искупающим все пережитые унижения и обиды.

Когда Лев уходил, благотворительница сунула ему в руку десятирублевку, и Лев еще долго после отъезда Устиновых хранил окровавленную бумажку в папиросной коробке и отдал только тогда, когда выяснилось, что не на что хоронить мать.

Мать умерла через год после этого происшествия.

С отъездом Устиновых все изменилось. Отцовских денег не хватало на отдельное жилье, и пришлось вернуться к деду, в квартирку за лавкой. Не выдержав склочной жадности Захара Акимовича, матушка снова захворала, на этот раз смертельно.

После ее смерти отец опустил, много пил, и Семена Захаровича с позором выгнали из гимназии. Вскоре отец допился до того, что замерз в сугробе.

Лев часто размышлял, как относиться к случившемуся. В сложившейся ситуации зло и добро были увязаны так тесно, что отличить одно от другого было невозможно. С одной стороны, после решительных действий Льва родители умерли – это, несомненно, было зло. Зато прекратилось унижение подачками. Кроме того, поселившись у деда и сумев добиться расположения старика, Лев смог прочитать все те редкие и удивительные книги, которыми старый букинист так силь-

но дорожил.

А еще Лев познакомился с собирателями редкостей, приходившими к Захару Акимовичу в лавку. Разжившись редкой книгой, дед и сам частенько наведывался к друзьям-библиофилам похвастаться, и для надежности – чтобы лихие люди не ограбили в пути – брал с собой подростка внука. Чаще всего старик отправлялся к большому оригиналу Танееву, знатоку Сен-Симона и Луи Блана, некогда шокировавшему Москву левыми высказываниями и радостным ожиданием, когда же мужики придут рубить господам головы. В его поместье в Демьянове – в огромном, нетопленном доме, имелась ценнейшая библиотека.

Великолепна была коллекция гравюр, посвященных Французской революции, но особую ценность представляло собрание редких изданий малых серий. Как только где-нибудь выходило издание в нескольких экземплярах, Танеев не успокаивался, пока из Берлина, Парижа, Лондона или Вены не получал своего экземпляра. Книжные магазины Готье, Ланг и Кнебель работали на Танеева. И поэтому дом в Демьянове постоянно перестраивался, чтобы с максимальным удобством разместить несметные тысячи книг. Часто старик Танеев не мог справиться со своими книжными богатствами, и тогда на помощь ему приходили друзья-книголюбы. Приходили не одни, приводили с собой детей и внуков. Там, в усадьбе Танеева, Лев впервые увидел Анну, дочь адвоката Рудольфа Минцлова.

Дед Анны Рудольфовны служил в императорской публичной библиотеке и создал средневековую книжную келью «кабинет инкунабул», также известную под названием «комнаты Фауста».

В доме у Минцловых была обширнейшая оккультная библиотека, что, учитывая более чем тридцатилетние изыскания старика Минцлова в этой области, было совсем не удивительно. Анна Рудольфовна, тогда еще довольно молодая, но уже некрасивая, рыхлая и невероятно загадочная в своих высказываниях, объездила мир, посетила Египет, Алжир, Тунис, остров Крит и Сицилию, а также, если верить ее рассказам, была на короткой ноге со всеми видными оккультистами обоих полушарий.

Среди знакомых из усадьбы Танеева она особо выделяла истеричного балованного сына профессора Бугаева, также приходившего помогать вместе с отцом.

Боря Бугаев писал стихи, стихи странные, со смыслом настолько туманным, что, кажется, его и вовсе не было, но Анне Рудольфовне стихи эти казались чуть ли не высшим откровением. Минцлова говорила, что это символизм и что за символизмом будущее. Что это выход за пределы собственной судьбы, воспоминания о том, чего ты никогда не видел. Говорила, прикрыв глаза и понизив голос – как и все, что она произносила, и это придавало ее словам видимость пророчества.

В ранней юности под влиянием Бугаева Лев тоже хотел

стать поэтом. И даже пробовал писать стихи и очень старался быть символистом, особенно после того, как прочитал первый сборник Бориса, подписанный псевдонимом Андрей Белый. Но затем ко Льву в руки попал труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление», и поэзия утратила свою прелесть.

Общаясь с Анной Рудольфовной и проникаясь ее идеями, Лев понял, что, если кто-то и может повести заблудившееся человечество за собой, то только Учителя, Которые Знают. И Лев решил бежать от пошлости, ставшей обыденностью. Бежать в оккультизм. А проводницей избрал Минцлову, ибо Анна Рудольфовна говорила о Великих Посвященных запросто, как о ближайших соседях по подмосковной даче.

Дед одобрил решение внука. Старый букинист очень уважал Минцловых, усматривая в Анне Рудольфовне, ее отце и деде оккультную династию. И при каждом удобном случае наставительно говорил, чтобы Лев держался Анны и во всем ее слушался. Старик даже предложил Минцловой в случае надобности использовать Льва в качестве помощника-секретаря, хотя бы и бесплатно. И Анна Рудольфовна охотно использовала. А денег, само собой, не платила. И на Лондонский конгресс в девятьсот пятом году Лев поехал за свой счет.

Чтобы собрать средства на дорогу, Льву пришлось пойти на определенную хитрость – сделать книгу, которой не существует. Создать один-единственный, уникальный экземпляр

и продать за большие деньги.

Тайком от деда Лев перерыл библиотеку Захара Акимовича, выискивал подходящие по смыслу тексты из творений Альберта Великого, Арнольда де Вилланова, Рогерия Бакона, присовокупил несколько тем из трактатов аббата Тритемия. Все это старательно переписал на искусно состаренных листах и заключил в качестве дополнения под сафьяновую обложку ветхой инкунабулы за авторством Генриха Корнелия Агриппы из Неттестейма, озаглавленную «De Occulta Philosophia libri tres», исправив на форзаце слово «tres» на «quatuor». Придуманная им легенда гласила, что три части этой книги были изданы еще при жизни Агриппы, и лишь четвертую любимый из учеников алхимика и мага из Неттестейма от руки дописал на свой страх и риск, вложив туда все то, что мудрец передал на словах, не доверяя печатному станку.

Книг Агриппы по оккультной философии в библиотеке деда имелось штук пять, полистать старик любил ту, что поновее, остальные задвинул в дальний угол, так что мгновенное разоблачение Льву не грозило.

Сбывая фальшивку на Никольской, Лев изложил покупателю свою версию уникальной находки. Из рассказа Льва выходило, что неизвестный путешественник, прибывший из Ассиза, принес книгу Агриппы прямо в букинистическую лавку Тихомирова на Лубянке и запросил за нее огромные деньги. И Лев, не ставя деда в известность, книгу купил.

Потому что знал, что на Никольской найдутся понимающие люди, которые дадут вдвое больше уплаченного. И, хотя недоверчиво поглядывающие на продавца перекупщики дали значительно меньше того, что можно было бы выручить у старика Танеева, Лев все равно остался доволен. Ибо Танеев обязательно похвастался бы приобретением перед Захаром Акимовичем. Тот, несомненно, подделку бы распознал, и разразился бы страшный скандал. Зная характер деда, Лев решил, что лучше потерять в деньгах, чем до конца своих дней слушать обличительные речи старого зануды.

Чтобы не вызывать ненужные вопросы у вечно сидящего в лавке Захара Акимовича, книгу печатал тайком, в бывшей своей мансарде, договорившись с обитающим там ныне студентом Аркашей Пряхиным.

Пряхин придерживался революционных настроений, распространял агитационные листовки и очень заинтересовался возможностью изготовления печатной продукции на дому. К юношам присоединилась сестра Пряхина, миловидная курсистка Раечка, самым очевидным образом влюбившаяся в Льва. Лев тоже не остался равнодушен к бойкой черноглазой девице. И когда в декабре тысяча девятьсот пятого года Раису Пряхину во время вооруженного восстания убили случайным выстрелом, Лев долго горевал, и даже отправившись в Лондон на конгресс, не мог думать ни о чем другом, кроме как о погибшей подруге. Потому, должно быть, и не заметил очаровательной мордашки девицы Волинской.

Москва. Наши дни

Мы неслись, как сумасшедшие, весь день, долгий вечер и вот уже часть ночи.

Разрезая фарами темноту, машина летела по шоссе с крейсерской скоростью. Терпеть больше не было сил. Хотелось есть, пить, в туалет, да и просто, черт возьми, распрямить спину и размять ноги, ибо седан – не автобус. Это гораздо теснее и неудобнее.

Не отрываясь от дороги, на мою просьбу Лада ответила: – О'кей, остановимся, как только увижу заправку, идет?

Само собой, идет. Хоть заправку, хоть что-нибудь еще, лишь бы поскорее! Это путешествие из Петербурга в Москву запомнится мне надолго. И, надо сказать, не с самой приятной стороны.

Когда на окутанном ночной тьмой шоссе засверкал огнями круглосуточный «Глобус» – это напоминало чудо. Во времена Радищева все было гораздо хуже, ибо подобной роскоши не существовало.

Свернув на парковку гипермаркета, Лада притормозила рядом с немногочисленными машинами и вышла из салона авто. Следом за ней выскочила и я.

С хрустом потянулась, распрямляя затекшую спину, и, с трудом переставляя занемевшие ноги, двинулась к стеклянным дверям магазина.

– Встречаемся около последней кассы, – прокричала Лада мне в спину.

Нужно ли говорить, что первым делом я устремилась к дамской комнате? А покинув туалет, ощутила небывалую легкость и абсолютное счастье.

Толкая перед собой тележку по пустынной прохладе гипермаркета, я свернула к круглосуточному кафе, и съеденный кусок пиццы с большой чашкой кофе сделали жизнь близкой к идеалу. Кинув в тележку шоколадку «Милка» и две полторалитровые бутылки воды, я устремилась к последней кассе, по пути рассматривая стеллажи с печатной продукцией.

На первых страницах почти всех газет и журналов большими буквами рассказывалось о самом интригующем событии последних дней – убийстве биоэнергетика Панаева. Того самого, который в прайм-тайм с экрана телевизора в рекламных паузах рассказывал о невероятных возможностях человека, открывающихся при помощи разработанных им методик. Признаться, никогда я этим не увлекалась, но тут все же стало интересно. И я отправилась к отделу эзотерики.

На эзотерическом стеллаже среди многочисленных книг Свяяша и Зеланда зияла пустота и виднелась пара завалившихся набок брошюр за авторством Ильи Панаева – судя по всему, остальной завоз книг уже был распродан.

Я взяла одну из брошюр и раскрыла на первой странице. Не успела пробежать глазами начало главы, как Лада от кас-

сы окликнула:

– Соня, ну что ты там застряла? Иди сюда!

Кинув книжицу в тележку, я двинулась к кассе. Лада, так же как и я, набрала минеральной воды, но вместо шоколадок взяла полезную простоквашу и зерновые булки.

Расплатившись, мы вышли из магазина. Светало. Небо казалось залитым клюквенным морсом и напоминало оперение фламинго. Вдали чернел лес, и до самого горизонта туманно серебрилось утреннее шоссе.

Усевшись в машину, я открыла книгу Ильи Панаева и погрузилась в чтение.

Если верить написанному, автор был маг и чародей. И рисовал безграничные возможности, которые откроются у любого желающего после прохождения первой ступени обучения по его методике.

Основная мысль брошюры сводилась к тому, что человек должен выполнять исключительно свои собственные, не навязанные извне, желания. И для этого нужно закрыться от социума так называемой «оболочкой». То есть замкнуть вокруг тела проходящие через позвоночник энергетические потоки – от верхней чакры к нижней и наоборот – наподобие елочного фонарика. Мысленно замкнуть, просто вообразив этот самый фонарик.

Я рассказала об этом Ладе. Лада оторвала напряженный взор от дороги и насмешливо взглянула на меня поверх очков.

– Серьезно? – хмыкнула она. – Просто – закрыться оболочкой от социума – и все проблемы решены?

– Панаев пишет, что так.

– И ты в это веришь?

– Нет, конечно. Хотя перспектива заманчива. Вот как ты думаешь, что такое карма?

– Соня, брось! – начала раздражаться Лада. – Ты меня разыгрываешь?

Я знала, что она ответит – я и сама бы так ответила. И потому я настойчиво потребовала:

– Ничуть. Отвечай!

– Это воздаяние за прошлые грехи.

– А вот и нет. По Панаеву это некий патологический сгусток, находящийся в тонких телах человека и искажающий его. Именно он является основной причиной разного рода жизненных проблем. И этот сгусток можно легко «выдернуть», пользуясь особой техникой, и тем самым изменить свою судьбу. Этому обучают на второй ступени Школы Энергетического Влияния.

– Во как!

– Ага. Третья ступень – еще серьезнее. На третьей ступени тренеры Школы посвящают учеников в тайну управления окружающими для достижения собственных целей. В основном применяют мягкие методы программирования. Но, между прочим, дополнительно обучают еще и жестким методам – путем энергетического подавления, – зачитывала

я выдержки из книги, пролистывая главы.

– Боюсь представить, что будет дальше, – в голосе Лады послышалась явная издевка.

– Нет, ну существуют же на самом деле люди со сверхспособностями, – возразила я. – Значит, влиянию на окружающих можно научиться.

И продолжила цитировать особо поражающие воображение места.

– Четвертый уровень обучения предлагает полностью изменить свою энергетическую конфигурацию. Ученика научат растворять чакры в эфирном теле, что приводит, помимо прочих замечательных умений и навыков, еще и к бессмертию.

Захлопнув брошюру, я откусила шоколадку и посмотрела на Ладу.

– Разве не гениально? Научиться манипулировать людьми! И жить вечно! Господи, Лада, как же я этого хочу!

Усмехнувшись, Лада похлопала меня по коленке и, рискуя вылететь в кювет, смерила ироничным взглядом.

– А премудрый господин Панаев не объясняет, откуда взялись сии сакральные знания?

– Ну как же, – оживилась я. – Во введении об этом подробно написано. Начало свое учение берет от розенкрейцеров. Затем над методиками трудились последователи антропософа Рудольфа Штайнера. Ну и секретные разработки советских спецслужб внесли свою лепту.

— Куда ж без них, без секретных разработок. — Лада брезгливо поморщилась. И ласково, словно с больным ребенком, заговорила: — Послушай меня, Сонечка. Как твой врач, я не думаю, что тебе нужно этим увлекаться. Эзотерические практики еще никому здоровья не прибавили. Тем более душевного.

Как я не люблю этот тон! Ибо он означает, что я снова делаю что-то не так.

Лада Валерьевна Белоцерковская — и в самом деле мой врач. Врач-психиатр, наблюдающая меня последние годы и старающаяся решить проблему обитающих во мне множественных личностей. Я знаю четырех из них, а может, их и больше, и проявляются эти другие, живущие во мне личности, в основном в моменты стресса. И Лада старается сделать так, чтобы стресс я испытывала как можно реже.

В Питере после некоторых событий я едва не угодила за решетку, и чтобы ничто не напоминало о той неприятной истории³, доктор Белоцерковская организовала переезд в Москву. В Москве, оказывается, у меня есть родственник, о котором я ничего не слышала, и Лада договорилась, что этот самый родственник — Борис Карлинский — станет моим опекуном. Ну что же, всегда интересно начать жизнь с чистого листа.

А торопимся мы так, чтобы успеть к началу лекций, ведь

³ Подробнее читайте в книге Марии Спасской «Девять жизней Николая Гумилева».

Борис Георгиевич преподает.

Представляю, какой этот Карлинский зануда. Лектор. Препод. Профессор. Тоска!

С другой стороны, такой опекун – это вовсе не плохо. Хватит с меня потрясений, пора пожить в тишине и покое. Лада рассчитывает передать меня перед началом занятий с рук на руки родственнику и, свободная, как ветер, отправиться по своим делам. Я не возражаю. Только прошу не гнать, хоть иногда останавливаться и делать привал, чтобы перевести дух.

Мы въехали в Москву и помчались по улицам. Люди тянулись в сторону школ и прочих учебных заведений, здания которых украшали приветственные перетяжки и гирлянды из шаров. Повсюду мелькали торжественные лица первоклашек, белые рубашки, банты и огромные букеты гладиолусов, астр, хризантем.

К увешанному флагами трехэтажному зданию казенного вида мы подъехали с небольшим опозданием, первая пара уже началась. Лада так уверенно прошла сквозь турникет проходной и с такой легкостью провела внутрь и меня, что стало ясно – она здесь свой человек.

– Я же рассказывала, что Игорь – декан института криминальной психиатрии, – поднимаясь по лестнице на второй этаж, проговорила Лада в ответ на мой вопросительный взгляд.

– Ты говорила, что Игорь твой жених. А что он декан –

не говорила.

– Теперь говорю. А Борис Георгиевич читает курс профайлинга у первогодок. Я с ним лично не знакома, но Игорь много рассказывал о Карлинском. Сейчас сама его увидишь.

Лада прошла через весь коридор, остановилась перед дверью в самом его конце и выдохнула:

– Ну вот, пришли. Тихонько проходи и садись на свободное место, чтобы не мешать.

Доктор Белоцерковская потянула дверь на себя и проскользнула в аудиторию. Я вошла следом за ней. Вошла и села на крайнее кресло в первом ряду, сразу обратив внимание на потрясенное лицо подавшегося вперед парня в соседнем кресле. Вытянув руку со смартфоном, он записывал видео. То же самое делали все, кто был в аудитории. С кафедры лился хорошо поставленный басок.

– ...неоднократно слышал мнение, будто бы шизофрения заразна. Чушь и бред. Не буду спорить, и в самом деле существует статистика, отражающая высокий процент душевных расстройств у врачей психической сферы. Однако не стоит путать причину со следствием. Это не психиатры заражаются от своих пациентов. Это в психиатры идут люди с психическими проблемами, желающие разобраться, что с ними не так.

Говоривший не был красив. Большое, будто бы вырубленное из камня лицо с грубыми чертами и стриженные ежиком черные с проседью волосы странно контрастировали с наив-

ными карими глазами. Такие глаза бывают у щенков.

Карлинский улегся на кафедру внушительным животом, сложил, переплетя толстые пальцы, перед собой кисти рук, и, доброжелательно оглядывая аудиторию, басовито продолжал:

– Когда мне было восемь лет, у меня умерла матушка. Похороны вышли невероятно пышными. Вместе с отцом и сестрой я стоял у гроба, ко мне подходили совершенно незнакомые люди, жали руку, говорили, чтобы я держался, был молодцом и все такое прочее в подобном замечательном роде. Они говорили – я слушал. И важно кивал, обещая, что буду молодцом. И что буду держаться. В результате собственная значимость в глазах всех этих людей произвела на меня столь сильное впечатление, что на протяжении полугода каждый вечер, стоя перед зеркалом, я разыгрывал сцену похорон. Теперь я хоронил отца. Делал грустное лицо, старался не заплакать, даже сочинил надгробную речь. Я ждал, что вот-вот папа умрет, и мой триумф повторится. Но отец все не умирал, и я подумал, что лучший способ опять покрасоваться на похоронах – убить его. И я на полном серьезе разработал план убийства живучего родителя. Но в какой-то момент я понял, что папа сильнее меня и с убийством ничего не выйдет. Только это и спасло его от верной смерти.

– Что, реально на отца бы бросились с ножом? – насмешливо крикнули с галерки.

– Безо всяких сомнений, – тепло улыбнулся лектор, по-

правляя лежащую рядом с его локтем стопку книг. — Я вовремя оценил свои силы и отказался от нелепой затеи — во мне сработал внутренний цензор, который сказал мне: «Боря, стоп!» А испугался я уже значительно позже, когда осознал, что из-за глупой гордыни чуть не лишил жизни близкого человека. Испугался так, что начал заикаться и мочиться в постель. И, покопавшись в себе, я понял, что во мне живут демоны. И, чтобы научиться ими управлять, пошел в психиатрию. Выучился, худо-бедно приручил своих демонов и живу с ними в относительном мире и согласии.

Лектор сделал едва заметное движение локтем, и стопка книг с грохотом упала на пол. Зал вздрогнул и пришел в движение. Стараясь понять, что же случилось, кто-то привстал на кресле, кто-то, вытянув шею, подался вперед.

— Прошу обратить внимание — это учебники, которые вам не нужны. Книги по моему предмету вам еще не скоро понадобятся. Сначала загляните вглубь себя, и только потом переходите к учебникам. Исходя из всего вышесказанного, вот вам задание на дом: выписать столбиком тайные мысли, чувства, желания. Те, которые вы скрываете даже от самих себя. Будьте честны с собой и не пытайтесь казаться лучше, чем вы есть. Ибо, как говаривал Карл Густав Юнг, «встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным». На сегодня все. Спасибо за внимание. Берегите себя и не пейте много пива.

Он распрямился, убрав локти с кафедры, ослабил галстук,

одернул полы щеголеватого, с заплатками на локтях, льняного пиджака и, невероятно грациозный для плотной своей комплекции, спустился с возвышения в аудиторию. Бережно поднял валяющиеся на полу учебники, каждый отряхнул и заботливо убрал в кожаную сумку. Закинул сумку на плечо и шагнул к дверям.

Я смотрела на Карлинского и удивлялась – как могут так хорошо сидеть джинсы на столь неспортивной фигуре?

Между тем Лада поднялась и двинулась следом за лектором. Мы вышли из аудитории и столкнулись с улыбчивым толстячком с блестящей лысиной. Он уже принял Карлинского под руку и уводил к окну, грозя пальцем и смешно морща нос.

– Боречка, твои лекции становятся все короче и короче, – доносилось до нас его сопрано. – В этот раз ты уложился за полчаса против прошлогодних сорока минут.

– Не морочь голову, Игорек, – беспечно отмахнулся Карлинский. – Словооблудие сушит мозг.

– Вас послушать, доктор, так кругом одни маньяки, – хихикнул толстячок.

– Может, и не кругом, но в твоём институте их точно хватает. Обычные люди на психиатра, да еще, пардон, криминалиста, добровольно учиться не идут. Что-то должно к этому подтолкнуть.

– Ты сейчас куда?

– В институт Сербского. Нужна экспертиза одного красав-

ца.

– Что за красавец?

– В прямом смысле слова. Считал себя недостаточно красивым, в этом видел проблему и даже вступил в интернет-сообщество таких же страдальцев, на которых девицы не обращают внимания.

– Знаю такие группы. Неудачники делятся мыслями по поводу порочной природы женщин, не способных оценить их душевную красоту. Всем же известно, что девкам подавай точеные носы и мускулистые торсы.

– Вот и мой красавец проникся этими беседами и сделал семь пластических операций. Увеличил подбородок, выпрямил нос, приподнял скулы. Сделал раскосыми свои глупые бараньи глаза, накачал силиконом губы, зад и бицепсы, что, как ты понимаешь, диагностируется как дисморфофобия и дисморфомания⁴ в чистейшем своем проявлении. Но даже после того, как он сделался неотразим, аки Аполлон, девчонки не смотрели в его сторону больше одного раза. Просто потому, что он – самовлюбленный идиот, не замечающий в этом мире никого, кроме себя. И сей конфуз становится очень заметен, когда парнишка открывает рот и принимается изрекать банальнейшие сентенции.

– Само собой, в своем фиаско он обвинил тупых сучек.

– Ага, и начал их наказывать. Проще говоря, убивать.

– Психопат, вменяемый на все сто процентов.

⁴ Выискивание и устранение физических недостатков.

– Надо еще раз с ним поговорить. Надеюсь, расскажет, где спрятал тела и сколько всего было жертв.

– Тогда до завтра. У тебя, Борюсик, лекции начинаются со второй пары. Умоляю, не забудь!

– Игорь Сергеевич, это я тебя умоляю! Когда я что-то забывал?

– Ой ладно, перестань! Ну все, Борь. Мы побежали, нас ждут в канцелярии. Ладочка, прощайся с Соней и догоняй.

Толстяк повернулся и, быстро перебирая обутыми в стильные туфли короткими ножками, устремился вперед по коридору, а Лада улыбнулась и сказала:

– Ну, Соня, пока. Мой телефон ты знаешь, будем на связи. До свидания, Борис Георгиевич. Должна сказать, впечатлена вашей лекцией. Сегодня же сяду с карандашом и попробую выполнить ваше задание.

– Не сомневаюсь, Лада, у вас получится. Только пишите честно обо всем. И даже о том, что испытываете к Соне не только чувства, которые положено испытывать врачу к пациенту. Не забудьте указать, что видите в ней сексуального партнера.

Лада вспыхнула, сдернула с носа очки, дико глянула на Карлинского беззащитными глазами и бросилась бежать за толстячком, торопливо удаляющимся по коридору. И тут дядя повернулся ко мне.

– Ну, здравствуй, Соня Кораблина. Надеюсь, доехала без приключений. – Он будто бы погладил меня своими уди-

вительными, подсвеченными изнутри глазами. Похлопал по карманам пиджака и деловито продолжил: – Так я и думал. Забыл ключи, поэтому домой попадем только вечером. Будешь со мной весь день кататься? Или, может, погуляешь по Москве?

– Погуляю. Центр посмотрю, – улыбнулась я, уже понимая, что хочу находиться в компании опекуна как можно меньше. Особенно один на один.

– Вот и славно, – легко согласился он. – Давай сюда вещички. Адрес знаешь?

Я кивнула.

– Отлично. Подходи домой часикам к семи.

Карлинский выхватил у меня из рук дорожную сумку и неспешно направился к лифту, собираясь проехать всего один этаж. Разве не чудак?

Москва, август 1910 года

Долли прошла через торговый зал букинистического магазина, с любопытством озираясь по сторонам и рассматривая оплетающие лавку книжные стеллажи, заполненные книгами. Перешагивая через стоящие на полу коробки с распавшимися на странички ветхими книжицами, она устремилась следом за Львом к двери в дальнем конце помещения, за которой начиналась квартира. Лев сразу же провел девушку в свою комнату и усадил на диван.

– Вы были правы, Лев Семенович, у меня все получилось, – блеснула глазами гостя. – И в самом деле, Брюсов очень хорошо принял стихи.

– Я даже не сомневался, что возражений не будет, – мягко улыбнулся Лев. – Должно быть, милая Ольга Павловна, в редакции вас полюбили как родную. Такую очаровательную барышню не могли не полюбить.

– А вот и нет, не все мне обрадовались.

– Полагаю, что вас невзлюбили дамы?

– Только одна. Рецензентка Амалия Коган. Очень специфичная особа. Держит себя так, точно все ей должны. И никто не решается перечить.

Лев с интересом взглянул на собеседницу и осведомился:

– А вы разве не знаете, кто такая Амалия Карловна?

И сам себе ответил:

– Хотя откуда? В Лондоне, полагаю, «Московская криминальная хроника» не в ходу.

– И чем же так знаменита мисс Амалия? – Девушка заинтересованно подалась вперед.

– Газетчики прозвали ее «мадемуазель Витроль».

– Любопытно отчего?

– Если желаете, расскажу все, что знаю.

– Интересно послушать.

Лев подал Долли наполненный вином бокал и, взяв со стола свой бокал и сделав глоток, негромко заговорил:

– Амалия – дочь генерала. Она рано лишилась матери, поэтому отец отдал девушку в Институт благородных девиц, и Амалия выросла в искусственной атмосфере женского пансиона. Да вы, Ольга Павловна, и сами не хуже меня знаете, что это такое. – Лев кинул быстрый взгляд на Долли.

Сделал еще глоток и продолжал:

– Амалия вышла из института и перебралась жить в полк, и тут умирает отец. Таким образом, Амалия, помимо своей воли, оказалась частью полкового офицерского братства, и оба этих довольно противоречивых мира – нынешняя разнузданность полка и недавнее лицемерие института – сыграли с ней злую шутку. Оставшаяся без родительского присмотра раскованная девица охотно посещала офицерские пирушки и вскоре стала душой гвардейского общества, встречаясь то с одним, то с другим офицером. Но на свою беду, Амалия Карловна влюбилась в штабс-капитана Измай-

ловского полка.

С началом войны с Японией Амалия готова была стать сестрой милосердия и сопровождать возлюбленного в Манчжурию, но из-за начавшихся волнений гвардейцев оставляют в Москве. Во время разгона баррикад Амалия плечом к плечу выступает рядом со своим штабс-капитаном, она готова умереть рядом с ним. И уж, во всяком случае, Амалия не сомневается, что вот-вот станет его женой. Однако гвардеец совсем не собирается жениться, тем более на девице, подобной мадемуазель Коган.

Штабс-капитан чувствует себя свободным и начинает ухаживать за женой состоятельного фабриканта. Амалия случайно встречает их во время прогулки по Бульварам и требует объяснений. Штабс-капитан уклоняется от диалога. Раздосадованная Амалия бежит в москательную лавку, покупает пузырек серной кислоты и, подкараулив парочку, выплескивает содержимое в лицо сопернице.

– Какой кошмар! – непроизвольно вырвалось у Долли.

Глаза Тихомирова как-то странно блеснули, и он с непонятным торжеством продолжал:

– Представьте себе, во время суда и публика, и присяжные заседатели единодушно были на стороне мадемуазель Коган, осуждая пострадавшую жену фабриканта. Амалию оправдали, и Брюсов пригласил ее в издательство. Не мог не пригласить, ибо Амалия Коган из популярной среди декадентов породы «фам фаталь».

Последнюю фразу Лев сказал так многозначительно, что Долли не могла не улыбнуться. И, чтобы скрыть неловкость от своей непроизвольной улыбки, быстро произнесла:

– Теперь понятно, отчего она такая.

– Какая же? – вскинул брови Лев.

– Потерянная. Странная. Сегодня в ресторане Амалия так много выпила, что еле стояла на ногах, – пустилась в объяснения гостя. – А когда мы шли по Никольской, мисс Коган увидела выставленную на паперти колбу с головой революционера-террориста. Мисс Коган остановилась и стала эту колбу целовать. И кричала на всю улицу, что погибший преступник лучше всех и чище всех и что она этой же ночью спасет его. Городовой даже забеспокоился, уж не знакомый ли это Амалии Карловны. А секретарь Лианопуло так важно заметил, что Амалия Коган не может быть знакома с преступником, ведь она не какая-нибудь там падшая женщина, а рецензент издательства «Скорпион».

Девушка снова едва заметно улыбнулась. Хмыкнул и Лев.

– И в самом деле забавно. Как будто сотрудничество с декадентским издательством может служить гарантом добропорядочности. Если судить по «Скорпиону», как раз таки напротив.

– Вы так хорошо знакомы со «скорпионовцами»?

Долли хотела побольше узнать об отношениях Льва и Амалии, но Тихомиров истолковал вопрос по-своему, полагая, что гостя интересует поэтами, и, может быть, даже

Андреем Белым.

Склонив голову к плечу, он задумчиво перебирал бороду, прикидывая, как лучше ответить, ибо не мог открыть ей, не разрушая тщательно создаваемого образа, что люто, бешено, почти так же сильно, как некогда слюнявого Алешу в наглаженном матросском костюмчике, ненавидит звезду символистов.

Андрей Белый! Да какой он Андрей! Да еще Белый! Борька Бугаев, вот он кто такой. Тот самый истеричный юнец из усадьбы Танеевых, стихами которого так восхищалась Анна Рудольфовна. Дальше – больше. Теперь Минцлова не только восхищается творениями Белого, но и делает из него пророка. Из него, и из Иванова. Хороши пророки! Питерский всезнайка Вячеслав Иванов, и московский кривляка Борька Бугаев!

За Бугаевым Лев следил с самого первого дня, как только увидел у старика Танеева. Прежде всего поразила Льва его внешность. Еще не зная странного характера Бориса, Лев издали с любопытством рассматривал высокую тонкую фигуру, всю будто бы сотканную из воздуха, белокурые локоны-нити, нимбом светившиеся над головой, непрестанно жестикулирующие нервные руки, не знающие ни секунды покоя. И глаза. Бесподобные васильковые глаза, каких он раньше никогда ни у кого не видел.

Они были похожи – оба высокие и беловолосые, но полный и неуклюжий увалень Лев был словно пародией на эль-

фоподобного Бориса. А столкнувшись с Бугаевым в деле разбора книг, Лев еще больше удивился, услышав высокопарную, пространную речь, то и дело сворачивающую от основного предмета обсуждения в самые разные и неожиданные стороны и напоминающую любимый дедов кушак, распавшийся от ветхости на многочисленные нити.

Больше похожий на ревность, интерес к Борису был так велик, что Лев узнал адрес профессора Бугаева и подолгу крутился около дома на Арбате, прислушиваясь к разговорам и присматриваясь к обстановке вообще. И от оживленно беседующего дворника и его приятельницы – кухарки Бугаевых, Лев узнал, что профессор Бугаев с женой друг друга терпеть не могут, буквально войну ведут, а Боречка мечется между родителями, стараясь одновременно угодить и маменьке и папеньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.